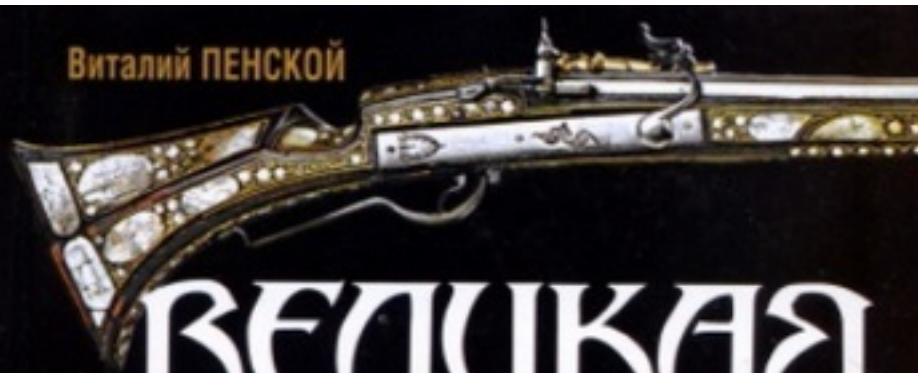

Виталий ПЕНСКОЙ

ВЕЛИКАЯ

ОГНЕСТРЕЛЬНАЯ

РЕВОЛЮЦИОННАЯ

ОРУЖЕЙНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Виталий Пенской

Великая огнестрельная революция

«Яуза»

Пенской В. В.

Великая огнестрельная революция / В. В. Пенской — «Яуза»,

Уникальное издание, не имеющее себе равных! Первое отечественное исследование Великой огнестрельной революции XV–XVII вв., перевернувшей не только военное дело, но и всю историю человечества. По мере распространения огнестрельного оружия на смену прежней ударной тактике (когда на поле боя преобладала пехотная пика, а главным родом войск были пикинеры) пришел «огневой бой», дистанционное поражение противника массированным огнем мушкетеров и артиллерии, – так, в крови и пороховом дыму, умирало Средневековье и рождалось Новое Время. Военная революция, чреватая радикальными социальными преобразованиями, с разной скоростью протекала в Западной Европе, на Руси, в Речи Посполитой и Османской империи – именно этими различиями во многом объясняется возвышение Запада и упадок Восточной и Юго-Восточной Европы, а запоздалый отказ Руси от «османской» военной модели в пользу западноевропейской традиции во многом предопределил особый путь развития русской цивилизации.

© Пенской В. В.

© Яуза

Содержание

Введение	5
ГЛАВА I	15
§ 1. Развитие военного дела в Западной Европе в XIV–XV вв. Первые изменения в военной сфере, связанные с появлением и распространением огнестрельного оружия	15
§ 2. «Ренессансная» военная система и кризис военного дела Западной Европы во 2-й половине XVI в.	27
§ 3. Реформы Морица Оранского и Густава Адольфа. Рождение армии Нового времени	44
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Виталий Викторович Пенской

Великая огнестрельная революция

Введение

В 1937 г. английский военный историк сэра Ч. Оман в своем ставшем классическим труде «История военного искусства в XVI столетии» заявил, что «шестнадцатый век – самый неинтересный период в европейской военной истории»¹. И на первый взгляд так оно и было. Разве можно сравнить войны XVI столетия с Тридцатилетней войной, Великой Северной войной, войной за Испанское наследство, войнами Фридриха II и тем более наполеоновскими войнами? Однако справедливо ли такое высказывание маститого историка, не поторопился ли он со столь жесткой оценкой состояния военного искусства XVI в.?

Не прошло и двух десятилетий, как другой британский историк, М. Робертс, дал ответ на этот вопрос. Он предложил взглянуть на военную историю XVI в. под иным углом зрения. Пусть, писал Робертс, в военной истории XVI в. как будто и не было ярких страниц, но если рассматривать ее не как историю битв и сражений, а как историю развития военного дела, то все будет выглядеть совершенно иначе.

Суть его концепции, впервые озвученной в 1955 г., а затем изложенной в отдельной статье, можно изложить в следующих словах: на исходе Средневековья, между 1560 и 1660 гг., в военном деле Европы произошли очень важные изменения, которые нельзя не назвать *военной революцией* («Military revolution», для удобства мы будем ее именовать Великой пороховой революцией). По мнению историка, «...эта революция, когда она завершилась, оказала глубокое влияние на общий генеральный курс европейской истории. Это событие стало своего рода водоразделом между средневековым миром и миром современным»². Анализируя сущность произошедших в военном деле Западной Европы перемен, М. Робертс указывал, что этот переворот, свершившийся между 1560 и 1660 гг., по существу, «...являлся еще одной попыткой разрешить постоянную проблему тактики – как соединить метательное оружие и рукопашную схватку, как объединить ударную мощь, подвижность и защитную силу». В конечном итоге он привел к рождению новой, линейной тактики³. Изменения в тактике повлекли за собой рост требований к дисциплине и качеству обучения солдат и офицеров. «Армия, – отмечал Робертс, – перестала быть швейцарской грубой массой или средневековым обществом агрессивных одиночек-профессионалов; она стала хорошо устроенным организмом, каждая часть которого повиновалась импульсам, спускавшимся сверху...»⁴ Это, в свою очередь, привело к тому, что прежние наемные армии, «покупаемые» на время кампании, были заменены армиями постоянными. Характер войны изменился – ее ведение было монополизировано государством: «Теперь только государство могло мобилизовать необходимые административные, технические и финансовые ресурсы, требуемые для крупномасштабных военных действий. И государство было заинтересовано, чтобы сделать войну собственной монополией...» Монополизация права ведения войны государством выразилась прежде всего в появлении «...новых административных методов и стандартов; новой администрации, с самого начала королевской, централизованной...»⁵.

Изменившийся характер войн, продолжал Робертс, способствовал резкому возрастанию военных расходов. Пытаясь разрешить эту проблему, на первых порах монархи Европы были вынуждены влезать в долги, девальвировать монету, прибегать к взиманию экстраординарных налогов и, что самое главное, так или иначе стремиться освободиться от какой-либо зависимости от сословно-представительных учреждений в финансовых вопросах. В каком-то смысле

они нашли понимание у самого общества, которое согласилось пожертвовать прежними средневековыми «вольностями» в обмен на безопасность, предоставляемую постоянной армией, находившейся под жестким контролем сильной королевской власти⁶.

Но и это еще не все. Английский историк предположил, что внедрение в военную практику Европы на исходе Средневековья огнестрельного оружия и его широкое распространение в XVI – начале XVII в. не только привело к радикальным переменам в европейском военном деле, вызвавшем лавинообразный процесс экономических, социальных, политических и культурных перемен. Нет, важнее всего было то, что все это изменило лицо Европы, заложив основы современного европейского общества и одолевающих его проблем⁷.

Выдвинув идею военной революции XVI–XVII вв., М. Робертс фактически вернул XVI веку достойное место в мировой военной истории. При пристальном рассмотрении особенностей развития военного дела в этот период оказалось, что «крот» военной истории проделал колоссальную работу, обеспечив переход военного дела Европы на качественно иной уровень развития – от войн «первой волны» к войнам «второй волны»⁸. Этот переход не только подготовил блестящие с точки зрения истории «войн и сражений»⁹ XVII, XVIII и тем более XIX века, но и в немалой степени способствовал рождению государства и общества Нового времени. Изменился и весь мир в целом. На мировой сцене сменилось главное действующее лицо. Лидировавший до этого Восток превратился в отстающий, стагнирующий регион, который рассматривался новым мировым лидером, Западом, как объект разрешения своих проблем. И не секрет, что этот успех Запада во многом был обусловлен тем военным превосходством, которое он приобрел в ходе освоения огнестрельного оружия и тех перемен, которые стали результатом его распространения.

Естественно, что столь захватывающие перспективы, открывшиеся, казалось, благодаря выдвинутой Робертсом концепции, не могли оставить равнодушным научное сообщество. «В течение нескольких лет в известной степени туманная концепция военной революции, – по словам американцев Б. Хэлла и К. ДеФриза, – стала новой парадигмой в изучении истории Европы на заре Нового времени»¹⁰. Сам М. Робертс, не ожидавший такого эффекта от своего выступления, писал в 1995 г. своему последователю Дж. Паркеру, что он был чрезвычайно удивлен тем впечатлением, которое произвела обычная лекция в провинциальном университете на научный мир, и не мог даже надеяться, что ему удастся внести в историческую науку нечто новое¹¹. Так или иначе, но новая идея, и идея красивая, брошенная английским историком, нашла немало сторонников и немедленно была взята на вооружение историками¹².

Однако прошло два десятилетия, и первичная увлеченность ею прошла и на смену пришло более трезвое отношение к тезисам, сформулированным Робертсом. Как и всякая претендующая на глобальные обобщения теория, концепция «военной революции» при пристальном рассмотрении оказалась уязвимой для критики со стороны «узких» специалистов. Новое поколение историков, новые материалы, введенные в научный оборот, новые идеи – все это потребовало заново осмыслить гипотезу Робертса, модернизировать ее или же отвергнуть как устаревшую, выполнившую свою задачу и потому отжившую свой век.

Пожалуй, первым предложил пересмотреть, модернизировать в свете новых знаний концепцию «военной революции» английский историк Дж. Паркер. В своей ставшей программной статье «Военная революция» 1560–1660 – миф?» он, согласившись с четырьмя ключевыми, по его мнению, тезисами Робертса, задался вопросом: «Могут ли эти утверждения быть изменены в современных условиях?»¹³

Ответ на этот вопрос был утвердительным – могут и должны! И в доказательство своей точки зрения Паркер привел ряд веских доводов. Во-первых, по его мнению, 1560 г., выбранный Робертсом в качестве отправной точки военной революции, не совсем удачен, так как

явные признаки, присущие армии Нового времени, можно найти в *кондоттах* ренессансной Италии. Вместе с тем военная революция как процесс радикальных перемен в военном деле не закончилась и в 1660 г. Поэтому Дж. Паркер предложил расширить ее временные рамки с 1530 по 1710 г. Во-вторых, Паркер, признавая революционность вклада, сделанного Морицем Оранским и Густавом II Адольфом в развитие западноевропейского военного дела, подчеркнул необходимость отдать должное их предшественникам – к примеру, испанским военным теоретикам и практикам XVI в. Кроме того, Паркер обратил внимание на целый ряд других военно-технических новшеств, оказавших значительное влияние на развитие военного дела в XVI в., и прежде всего на новую систему фортификации, *trace italienne*, «итальянский след»¹⁴.

Свое видение проблемы военной революции, концептивно изложенное в этой статье, Паркер развил в фундаментальной монографии «The Military Revolution. Military innovation and the Rise of the West, 1500–1800»¹⁵ и в серии отдельных статей¹⁶. Он аргументированно и обстоятельно изложил все доводы «за», при этом придав большую стройность и определенность концепции М. Робертса. По мнению Дж. Паркера, гипотеза о военной революции в Европе на рубеже Средневековья и Нового времени в наиболее сжатом виде может быть представлена так: «Трансформация военного дела в Европе на заре Нового времени включала в себя три основных компонента – широкое использование огнестрельного оружия, распространение новых систем фортификации и рост численности армий...»¹⁷ Эти три инновации повлекли за собой все остальные новшества – сперва в военном деле, а затем и в политическом, социальном, экономическом и культурном устройстве западноевропейского общества. В таком виде обновленная концепция военной революции привлекла к себе многих молодых западноевропейских и американских историков¹⁸.

Однако к этому времени у военной революции были не только сторонники, но и критики. Выступление Дж. Паркера в защиту концепции Робертса послужило началом новой оживленной дискуссии вокруг этой проблемы. С неослабевающей силой она продолжается и сегодня, захватывая все новые и новые аспекты перемен в военном деле позднего Средневековья и начала Нового времени¹⁹.

К настоящему времени в дискуссии вокруг этой гипотезы четко обозначились основные точки зрения. В том, что внедрение огнестрельного оружия в повседневную военную практику Запада (а затем и Востока) имело весьма серьезные последствия – с этим согласны все. Однако мнения историков, занимающихся этим вопросом, расходятся по нескольким основным пунктам, главными из которых являются следующие: можно ли для определения характера этих перемен использовать термин «революция», каков их временной и пространственный охват и в чем заключались их последствия как для истории Европы, так и для всего мира.

Антиподами Дж. Паркера и его единомышленников стали «эволюционисты» (Дж. Хэйл, Дж. Линн и ряд других историков). По их мнению, перемены в военном деле в эту эпоху слишком уж растянуты во времени, для того чтобы их именовать «революцией»²⁰. Дж. Линн, в частности, в пику Паркеру выдвинул оригинальную гипотезу поэтапного развития европейского военного дела от эпохи Средневековья до наших дней²¹. Анализируя процесс развития западноевропейского военного дела в эпоху Средневековья и Нового времени, он отмечал, что для изучения его особенностей намного более важным представляется исследование таких аспектов, как способы комплектования вооруженных сил, их организация, проблемы мотивации и морального духа, состояние командования, формы оплаты военнослужащих и отношение армии к обществу и власти²². Технологические и тактические новшества, на которые делают упор сторонники военной революции, на взгляд Линна, конечно же важны, но по отношению к названным выше аспектам второстепенны²³. Не стоит преувеличивать, по его мнению, и роль голландского государственного и военного деятеля Морица Оранского вме-

сте со шведским королем Густавом Адольфом как родоначальников новой линейной тактики. Как указывал историк, армия французского короля Генриха IV раньше голландцев и шведов перешла от традиционных для XVI в. крупных формаций и глубоких построений к небольшим подразделениям и стала использовать элементы линейной тактики²⁴.

Правда, стоит отметить, что такой радикализм не встретил поддержки у большинства специалистов, хотя и способствовал дальнейшему «размыванию» временных и территориальных рамок военной революции²⁵. Так, по мнению К. Роджерса, за четыреста лет, с XIV по XVII в., европейское военное дело пережило даже четыре военных революции: «пехотную», «артиллерийскую», «артиллерийско-крепостную» и собственно «военную»²⁶. М. Прествич и вовсе полагает, в чем-то смыкаясь с «эволюционистами», что военная революция XV–XVIII вв. стала естественным продолжением средневековой военной революции конца XII – 40-х гг. XIV в.²⁷ Кроме того, по мнению многих историков, рассматривая эту проблему, не стоит замыкаться только европейскими рамками, а необходимо изучить изменения в военном деле в других регионах мира, имевших место в это же время, а также их взаимовлияние²⁸.

Спорным и неоднозначным выглядит, по мнению ряда современных историков, и вопрос о степени влияния перемен в военной сфере на заре Нового времени на политическое и социальное устройство европейских государств. Если, с точки зрения сторонников военной революции, необходимость создания сильных и многочисленных постоянных армий стимулировала процессы становления сильной власти и рождение абсолютистских монархий Нового времени, то, к примеру, Н. Хеншелл полагает, что все было с точностью до наоборот²⁹.

Таким образом, можно сказать, что расширение поля исторического поиска и в географическом, и в хронологическом плане привело к своеобразному «разложению» из-за возникших внутренних противоречий прежде ясной и целостной концепции и, как следствие, способствовало жесткой критике основных тезисов «революционной» теории Робертса—Паркера и их последователей. Очевидно, что эти разброд и шатание были обусловлены прежде всего тем, что М. Робертс оперировал материалами Европы протестантской, северной и северо-западной, причем в достаточно узком временном промежутке. Ни для кого не секрет, что в основу его концепции легли результаты многолетних изысканий по политической, социально-экономической и военной истории Швеции XVII в.³⁰ Попытки же выйти за очерченные первоначально узкие временные и территориальные рамки дали несколько неожиданные результаты, не укладывающиеся в ставшее внезапно узким «старое платье короля»³¹. Однако стоит ли на этом основании отбрасывать саму идею революции в военном деле, существует ли возможность примирения крайних точек зрения? Можно ли модернизировать концепцию «военной революции» применительно к периоду позднего Средневековья и начала Нового времени с учетом всех тех критических замечаний, которые были высказаны в ее адрес в предыдущие годы?

На все эти вопросы, по нашему мнению, можно ответить положительно, и вот почему. Прежде всего определимся с тем, что такое «революция». Наиболее распространенное ее определение заключается в том, что под ней понимается некое качественное изменение, коренная ломка сложившихся принципов, представлений или концепций в жизни общества или отдельных его сфер. Это изменение есть проявление скачка, возникающего в тот момент, когда количественные изменения в той или иной сфере жизни общества достигают определенной величины, за которой следует возникновение нового качества³². Следовательно, военную революцию можно определить как коренную ломку существовавшей до этого военной системы и создания новой, радикально отличающейся от нее.

Исходя из этого определения, можно уточнить структуру военной революции. Являясь частью непрерывного исторического процесса, она не представляет собой некое статическое, застывшее образование, а, наоборот, постоянно изменяется и развивается. Неизменной оста-

ется лишь некоторое ядро, точка опоры, вокруг которой и вращаются все изменения. Именно поэтому имеет смысл говорить о военной революции как о сложном, имеющем многослойную структуру феномене, в развитии которого можно выделить три основных этапа.

Главным движущим мотивом развития военного дела, вне всякого сомнения, следует считать стремление военачальников как можно быстрее и эффективнее разгромить неприятеля, используя все наличные силы и средства. Замечание, сделанное Ф. Энгельсом почти полтора столетия назад относительно взаимосвязи изменений в военной сфере с изменениями в экономике, не утратило своего значения до сих пор. «Ничто так не зависит от экономических условий, – писал он, – как именно армия и флот. Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент ступени производства и от средств сообщения. Не «свободное творчество ума» гениальных полководцев действовало здесь революционизирующим образом, а изобретение лучшего оружия и изменение солдатского материала; влияние гениальных полководцев в лучшем случае ограничивается тем, что они приспособляют способ ведения боя к новому оружию и к новым бойцам...»³³. Правда, на наш взгляд, формула, выведенная Ф. Энгельсом, нуждается в некотором уточнении. При сохранении примата экономических перемен над военными необходимо в большей степени учитывать влияние субъективного фактора. Гениальные полководцы не просто следуют за событиями, но стараются по мере возможности подтолкнуть события, стремясь получить самое эффективное оружие и лучших солдат. Это стремление, в свою очередь, стимулирует развитие экономики, а последнее – новые перемены в военной сфере.

Исходя из этого, можно с уверенностью сказать, что содержанием первого, или подготовительного, этапа военной революции как раз и является попытка приспособить новейшие технологии для решения главной задачи, стоящей перед военными – добиться решающей победы. На этом этапе идет постепенное формирование некоей «критической» массы количественных изменений в военном деле – и в военных технологиях, и в тактике, и в стратегии. Процесс ее накопления мог иметь широкие временные и пространственные рамки. Однако при этом военная мысль развивалась, как правило, в традиционном русле. Как метко заметила американская писательница Б. Такман в своей нашумевшей книге «Августовские пушки», «...мертвые битвы, как и мертвые генералы, держат своей мертвой хваткой военные умы...»³⁴. В этой связи уместно провести аналогию с научными революциями. Анализируя процессы смены научной парадигмы, Т. Кун отмечал, что «усвоение новой теории требует перестройки прежней и переоценки прежних фактов, внутреннего революционного процесса, который... никогда не совершается в один день...», и что всякие попытки внедрения новой научной парадигмы встречают упорное сопротивление. «Источник сопротивления лежит в убежденности, – писал он дальше, – что старая парадигма в конце концов решит все проблемы, что природу можно втиснуть в те рамки, которые обеспечиваются этой парадигмой...»³⁵

Однако рано или поздно стремление соединить традицию и новую реальность, рождающуюся на полях сражений, найти некий компромисс между стариной и новизной, заводило в тупик. Новое в конце концов категорически отказывалось укладываться в прокрустово ложе традиции. И в этот момент и происходила собственно военная революция – количество посредством скачка переходило в новое качество, рождалась новая военная школа, построенная на качественно иных основаниях, чем все предыдущие. В этом плане примечательно высказывание русского военного теоретика конца XIX – начала XX в. Н.П. Михневича. Он писал, что «хотя в развитии военного искусства, по-видимому, и наблюдается прогресс, но самое прогрессирование его **идет скачками** (выделено нами. – П.В.)...»³⁶.

Этот скачок в развитии военного дела, как правило, ограничен во времени и пространстве и может быть связан с деятельностью одного или нескольких военных теоретиков и практиков. Время скачка и есть время второго, основного этапа военной революции.

Однако далеко не всегда новая военная школа на голову превосходит доведенную до максимальной степени совершенства старую. Ее преимущества бывают очевидны не сразу, тем более что в военном деле, которое сродни искусству, очень силен субъективный фактор. В конечном итоге воюют не оружие и не идеи, а люди. Поэтому новая военная система, попавшая в негодные руки, может вполне проиграть соревнование со старой, которую использует более умелый и талантливый военачальник. Именно этим и обусловлено появление третьего, завершающего этапа военной революции. На нем доказавшие на практике свою эффективность новые методы и приемы ведения войны осваивались, совершенствовались и приспособлялись к конкретно-историческим условиям другими армиями и обществами. Затем этот цикл повторялся снова и снова. Таким образом, можно заключить, что процессы эволюции-революции в развитии военного дела были теснейшим образом взаимосвязаны и действовали рука об руку. Таким образом, получается, что правы обе спорящие стороны – и сторонники революции, и «эволюционисты».

Исходя из всего этого, попытаемся дать свое определение военной революции в Западной Европе в конце Средневековья – начале Нового времени, совместив лучшее из разных точек зрения. Под военной революцией в дальнейшем мы будем понимать радикальные перемены в военном деле Западной Европы, а затем и всего мира, в середине XV – начале XVIII в., которые привели к рождению новой военной традиции, в корне отличавшейся от предыдущей, средневековой. Выразившиеся на первых порах во внедрении в повседневную военную практику огнестрельного оружия, сначала тяжелого (артиллерия), а затем и ручного (пистолеты, аркебузы и мушкеты), они привели к коренному перевороту в тактике и стратегии европейских армий. Война из искусства все больше стала превращаться в науку. На смену немногочисленным средневековым милициям пришли постоянные регулярные армии, насчитывавшие десятки и сотни тысяч человек и находившиеся целиком и полностью на государственном содержании и обеспечении. Прежняя ударная тактика, основанная на применении глубоких формаций, сменилась линейной, символом которой стала знаменитая «тонкая красная линия». Исход боя решался теперь не рукопашным боем великолепно подготовленных бойцов-одиночек, а слаженными действиями масс единообразно вооруженных и обученных пехотинцев и кавалеристов, вооруженных огнестрельным оружием и поддерживаемых мощной артиллерией. Армия-машина, армия, организованная по принципу мануфактуры, пришла на смену прежнему войску, которое можно уподобить мастерской средневекового ремесленника. Фридрих II, великий полководец и король Пруссии, в одном из своих сочинений так и писал: «**Многочисленное войско есть не что иное, как многосложная машина** (выделено нами. – П.В.), где последний из воинов, составляя собой как бы некоторую пружину, действием своим одушевляет, умножает силу и движение целого...»³⁷

Эта военная революция не могла не привести к серьезным переменам в политической, социальной, экономической и культурной жизни европейского общества, ибо отставание в перенимании новинок военной теории и практики неизбежно вело к превращению отстающего, неспособного к модернизации государства из субъекта международных отношений в объект. Начавшись в виде изменений в военной сфере, эта революция в конечном итоге во многом ускорила процесс трансформации средневекового западноевропейского общества и государства с присущими им политическими, экономическими, социальными и культурными институтами в государство и общество Нового времени.

Конечно, М. Робертс был не совсем прав, ограничив время военной революции периодом с 1560 по 1660 г. Тем не менее, на наш взгляд, отвергать саму концепцию военной революции в пользу эволюции на основании того, что сам процесс изменений занял несколько сот лет, нельзя. Ошибочной представляется также и идея о существовании двух (или более) военных революций в период между 1450 и 1800 гг.

Военная революция в Европе на пороге Нового времени действительно имела место, и была она одна. Но картина ее была намного сложнее и не столь прямолинейна, как может показаться на первый взгляд. К первому этапу военной революции можно отнести промежуток времени с конца или даже с середины XV в. и до 90-х гг. XVI в. В эти годы шел процесс постепенного накопления тех количественных изменений в военной сфере, затронувший и теорию, и практику. В конечном итоге они должны были рано или поздно перерасти в качественный скачок, что и случилось в конце XVI – первой трети XVII в. Период же, указанный М. Робертсом, можно соотнести со вторым ее этапом, временем скачка, своеобразного прорыва в военном деле Европы. При этом его рамки можно сузить до 90-х гг. XVI в. – 30-х гг. XVII в. Именно в это время и произошел тот самый переворот в тактике и обучении войск, повлекший за собой все остальные перемены – от военных до политических и социально-экономических. Период же с конца 30-х гг. XVII в. и вплоть до конца эпохи наполеоновских войн – это время постепенного совершенствования той системы принципов подготовки и ведения войны, что были разработаны Морицем и Вильгельмом Нассаускими на рубеже XVI–XVII вв. и развиты применительно к новым условиям шведским королем Густавом Адольфом.

В самом деле, средства истребления людей, которыми располагали Мориц Нассауский и Наполеон спустя 200 лет, не слишком сильно различались друг от друга. Разница была лишь в том, что Наполеон располагал значительно большими ресурсами и потому мог утверждать, что «Бог всегда на стороне больших батальонов». Так что переход от сравнительно небольших армий смешанного комплектования 1-й половины XVII в., в которых наемники все еще господствовали, к армиям 2-й половины XVII–XVIII вв., где их существенно потеснили рекруты, набранные принудительно из числа подданных короля, к конскрипционным и первым массовым армиям 1-й половины XIX в. вовсе не означал радикальных перемен в европейском военном деле. Менялись мундиры, прически, отдельные элементы тактики и стратегии, но не оружие и основные идеи и уж тем более не ментальность военного сообщества. Войны наполеоновской эпохи стали несколько более грубыми, жестокими, избавились в значительной степени от налета некой салонности, церемонности, присущей войнам 2-й половины XVII–XVIII вв., и только. Пока не появились пулеметы, скорострельные магазинные винтовки и артиллерийские орудия, телеграф, радио и железные дороги, европейские армии и их тактика и стратегия менялись не настолько существенно, чтобы можно было говорить о новой военной революции. Чтобы это случилось, европейское общество должно было окончательно завершить переход от мануфактуры к фабрике, завершить промышленную революцию. С последней была связана очередная военная революция, пришедшаяся на годы Первой мировой войны и завершившаяся уже в годы Второй мировой войны. В каком-то смысле можно вести речь об определенной связи между рождением мануфактурной промышленности и зарождением капитализма с военной революцией на пороге Нового времени и завершением промышленной революции, возникновением индустриального общества и военной революцией 1-й половины XX в. В этой связи представляет интерес идея Э. Тоффлера о взаимосвязи волн в развитии цивилизации и перемен в военном деле³⁸.

Если же принять во внимание скачкообразность развития военного дела и проанализировать процессы изменений в этой сфере деятельности человеческого общества, нетрудно заметить, что «Великая пороховая революция», описанная М. Робертсом, не была уникальным явлением в мировой истории. Более того, можно смело утверждать, что она вовсе не случайность, но часть мирового исторического процесса в целом, одно из звеньев в цепи других подобных переворотов. Первой военной революцией можно считать возникновение армии как государственного, политического института, пришедшего на смену племенным ополчениям. К значительным последствиям, и не только в военной сфере, привело появление боевых колесниц и конницы³⁹. Не меньшее значение для развития военного дела и искусства имела так назы-

ваемая «гоплитская» революция, о которой до сих пор не утихают споры среди историков⁴⁰, а впоследствии рождение регулярной, постоянной армии в эллинистических государствах и Римской империи. Введение во всаднический обиход стремени и седла с высокими луками в эпоху раннего Средневековья во многом способствовало формированию элитной тяжеловооруженной конницы, на долгое время захватившей господство как на полях сражений, так и во власти.

Таким образом, многочисленные технологические новшества на протяжении Древности и Средневековья неоднократно меняли «лицо битвы» и войны в целом. Однако по большей части все они в той или в иной степени являлись локальными переворотами, не меняя коренным образом расстановки сил и не делая в конечном итоге лишь одну определенную модель военного строительства образцом для всеобщего подражания и копирования. Те же самые регулярные армии эллинистических монархий и Римской империи оказались неспособны преодолеть сопротивления, казалось бы, более консервативных и традиционных военных систем Азии, равно как и пехотные армии имперского Китая на закате истории Древнего мира неоднократно терпели жестокие поражения от конных ополчений кочевников-сюнну.

Именно по этой причине вряд ли можно считать переворот в тактике, осуществленный в 1-й половине XIV в. англичанами, военной революцией Средневековья, как это предложили М. Прествич и К. Роджерс⁴¹. Отечественный автор Д. Уваров по этому поводу справедливо отмечал, что, по существу, «специфическая английская тактика в принципе могла применяться единственным государством в Европе из-за отсутствия у других столь же квалифицированных лучников и поэтому является исключением в общеевропейском военном искусстве...»⁴². Всякие попытки скопировать английский опыт, хотя бы в той же самой Франции, не имели успеха. Достаточно вспомнить неудачный опыт создания корпуса т. н. «франк-аршеров» правительством Карла VII французского в последние годы Столетней войны⁴³. Новая военная система должна была быть одновременно и достаточно простой и универсальной, чтобы ее можно было легко усвоить и затем использовать в различных условиях, и в то же время обладать большей эффективностью, чем все предыдущие. В противном случае, как это было с английской тактикой конца XIII–XV вв., она как слишком сложная, специализированная и недостаточно гибкая, была обречена на вымирание, не оставив потомства.

Совсем иначе дело обстояло с военной революцией в Западной Европе на рубеже Средневековья и Нового времени. Можно со всей уверенностью сказать, что она, безусловно, явилась первой глобальной по своим последствиям военной революцией. Она не просто привела к рождению новой системы организации военного дела. Это неоднократно случалось прежде, как было отмечено выше, в самых разных регионах мира. Нет, здесь дело было в другом. Как справедливо отмечал Дж. Паркер, эта военная революция привела к коренной перемене в расстановке сил на мировой арене: «В значительной степени «подъем Запада» был предопределен применением силы, тем, что баланс сил между европейцами и их заокеанскими противниками постоянно склонялся в пользу первых; ...ключ к успеху европейцев в создании первых настоящих глобальных империй между 1500 и 1750 гг. заключался как раз в тех усовершенствованиях способности вести войну, которые позднее будут обозначены как «военная революция»...»⁴⁴. Потому-то и можно назвать ее «Великой пороховой революцией». Пусть это название и покажется кому-то слишком громким и претенциозным, однако тем не менее в этих словах отражены и главная причина этого переворота, и ее размах, и поистине грандиозные последствия.

Завоеванное европейцами военное превосходство над своими потенциальными противниками на суше и на море как в Старом, так и в Новом свете способствовало во многом, по меткому замечанию американского историка У. Мак-Нила, «смыканию всепланетной ойкумены», в результате чего «мировая история получила новую размерность»⁴⁵. Активизировавшиеся

связи между континентами, государствами, народами способствовали более интенсивному, нежели ранее, трансферу знаний и культурных ценностей, обострению межгосударственной конкуренции и борьбы за сферы влияния, ресурсы, контроль за торговыми путями и пр., что способствовало как развитию человеческой цивилизации в целом, так и военного дела в частности. Развитие экономики, науки и техники в западном мире дало в руки европейским политикам и военным необходимые средства для поддержания необходимого уровня военной мощи для защиты своих глобальных интересов, а стремление сохранить достигнутое военное превосходство стимулировало дальнейшее развитие военных технологий и военной мысли, неизбежно вело к следующей военной революции. Она последовала в начале XX в., когда в огне Первой мировой войны родилась «война машин и моторов». Сейчас, спустя менее чем сто лет после Первой мировой войны, на наших глазах происходит очередная военная революция, в корне меняющая существовавшие до сих пор представления о войне⁴⁶. И две последних революции, закрепив господствующее положение Запада в военной сфере, сохранили тем самым достигнутое военным путем в конце Средневековья – раннем Новом времени политическое, экономическое и культурное доминирование западной цивилизации над всеми остальными.

Страны, оказавшиеся в сфере воздействия Запада, должны были сделать свой выбор и дать ответ на вызов со стороны европейцев. Сохранение собственной независимости, своеобразной культуры и образа жизни напрямую было связано со способностью того или иного западного общества воспринять идеи военной революции и реализовать их применительно к своим условиям. Однако дать адекватный ответ на вызов Западной Европы в военной сфере удалось на переломе Средневековья и Нового времени далеко не всем незападным цивилизациям. В этом плане представляется интересным изучение опыта перенимания новинок военной технологии, тактики и стратегии, связанных с военной революцией, государствами Восточной и Юго-Восточной Европы, прежде всего Речью Посполитой, Россией и Турцией, принадлежавших к разным цивилизациям и культурам.

Пример этих трех государств и их ответ на западноевропейский вызов тем более интересны, что все они находились на периферии толчка, вызвавшего к жизни военную революцию. Постоянно контактируя со странами Западной Европы, они оказались втянуты в процесс стремительных перемен в военном деле примерно в одно и то же время, с некоторым опозданием против ведущих западноевропейских государств, но с близких стартовых позиций. Однако ответ, который дали эти страны на военный вызов со стороны Европы, оказался различным. Османская империя, считавшаяся в XVI в. идеальным «военным» государством, внушавшая страх своим соседям, к началу XVIII в. уже утратила в значительной степени былые величие и мощь, а столетие спустя превратилась в «больного человека Европы», судьбой наследства которого весьма и весьма были обеспокоены великие державы. Речь Посполитая к концу XVIII в. и вовсе исчезла с политической карты мира. Такое ее падение было тем более удивительно, поскольку польско-литовская армия в конце XVI – 1-й половине XVII в. считалась одной из боеспособнейших армий Европы. Она успешно воевала и с вымуштрованной шведской армией, и с русскими ратями, и с турецко-татарскими полчищами. Под занавес XVII столетия, в 1683 г., слава польского оружия получила еще одно яркое подтверждение, когда небольшая армия короля Яна Собеского, насчитывавшая всего лишь 26 тыс. солдат и офицеров⁴⁷, сыграла главную роль в спасении Вены, столицы Римской империи, от османского нашествия. Однако не прошло 20 лет, как территория Польши и Литвы стала «проходным двором» для сражавшихся не на жизнь, а на смерть армий Швеции и России, а к концу XVIII в. Речь Посполитая оказалась разделена между своими могущественными соседями.

Среди тех, кто сыграл роковую роль в падении могущества Османской империи и «*Finis Poloniae*», едва ли не первое место занимала Российская империя. Когда в конце XV в. Россия впервые заявила о своих внешнеполитических претензиях, вряд ли кто-то мог предположить, что именно это практически никому дотоле неизвестное государство в результате успешного

завершения военной революции превратится в евразийского колосса, который в течение более чем трех столетий будет оказывать серьезное влияние на развитие событий не только в Европе и Азии, но и во всем мире. Все это стало возможным не в последнюю очередь потому, что, пожалуй, именно в России из всех неевропейских стран военная революция получила свое наиболее полное воплощение, причем по всем основным направлениям – военному, политическому, экономическому, социальному и культурному. Однако этот успех дался ей дорогой ценой, послужив впоследствии причиной нарастающего отставания российского общества и государства в социально-экономическом и политическом развитии от передовых стран Европы в XIX в., что в немалой степени способствовало трем революциям и радикальным переменам в XX в. как попытке догнать ушедший далеко вперед Запад. Кстати, изучение опыта реализации основных идей военной революции в России позволяет дать пусть и звучащий несколько парадоксально ответ на вопрос: к какому миру все-таки принадлежит Россия – западному или восточному? Ни одно государство Востока, даже успешно прошедшее первый этап военной революции (Османская империя – яркий тому пример), не говоря уже о цивилизациях Америки, в конечном итоге не смогло найти адекватный ответ на вызов со стороны Запада и в конечном итоге оказалось в разной степени зависимости от него. Россия же смогла усвоить уроки этой военной революции, творчески переработать их и создать совершенную военную машину. Следовательно, все-таки Россия пусть и весьма своеобразная, но часть европейской христианской цивилизации, часть Европы. О том же, как проходила «Великая пороховая революция» в разных странах и регионах мира, и пойдет речь на страницах этой книги.

ГЛАВА I

Военная революция в Западной Европе и развитие западноевропейских армий во 2-й половине XV – начале XVIII вв

§ 1. Развитие военного дела в Западной Европе в XIV– XV вв. Первые изменения в военной сфере, связанные с появлением и распространением огнестрельного оружия

Во введении мы уже упоминали мысль Ф. Энгельса, увязывавшего прогресс научно-технический и экономический с прогрессом в военном деле. Его формула была выведена как раз на материалах Западной Европы. Поэтому, прежде чем перейти к освещению перемен в западноевропейском военном деле и в эпоху «Великой пороховой революции», и за несколько столетий до нее, мы хотели бы еще раз обратить внимание на те перемены, что произошли в западноевропейском обществе в конце Средневековья. Предваряя свое исследование по истории западноевропейской цивилизации XVII в., французский историк П. Шоню отмечал, что «... численность населения, общая сумма богатств и ресурсов, временные масштабы сухопутных и морских дорог, технология производства, способы обмена, пищевой баланс – одним словом, вся материальная цивилизация XVII века, несмотря на некоторое, с течением времени, впечатляющее количество микроизменений... – вся материальная цивилизация классической Европы порождена великой революцией XII века...»⁴⁸.

Пережив «Черную смерть», унесшую, по разным подсчетам, жизни от четверти до половины населения Запада, Европа постепенно встала на ноги и примерно с середины XV столетия вступила в период нового роста – экономического, социального и культурного, сопровождавшегося серьезными политическими переменами⁴⁹.

Перешагнув рубеж столетий, Европа не только не остановилась в своем развитии, напротив, новое столетие ознаменовалось еще более серьезными переменами, затронувшими все сферы жизни западноевропейского общества. Внешняя экспансия, символом которой стали Великие географические открытия, стала доминантой в жизни европейского общества XVI в. Но экспансия в мире, где уже не осталось свободного «места под солнцем», могла осуществляться по большому счету только одним путем – посредством насилия. И действительно, писал английский историк Р. Маккенни, «...насилие и войны – это константы европейской истории, однако в XVI в., подогреваемые самой экспансией, они обрели новый и невероятный масштаб... **Никогда прежде армии и пушки не использовались с такой жестокостью и размахом** (выделено нами. – П.В.)... *Экспансия* экономическая, интеллектуальная и духовная, равно как и собственно географическая, и *конфликт* – социальный, религиозный и международный – проходят красной нитью через все столетие, объединяя в единое целое перемены, связанные с Возрождением, Реформацией, Контр-реформацией и географическими открытиями...»⁵⁰.

Экономический и демографический подъем, сопряженный с началом эпохи Великих географических открытий, формированием мирового рынка посредством включения в европейскую экономическую систему заокеанских источников сырья и драгоценных металлов, серьезными переменами в политическом устройстве ведущих европейских государств, – все это

создало необходимые предпосылки для ускорения процессов изменений сперва в военно-технической области, а затем в тактике и стратегии европейских армий.

Этому способствовало и сохранявшееся политическое разделение Европы на множество враждующих между собой государств. Пестрота политической карты Европы и особенности ее географического положения и устройства сыграли свою положительную роль в ускорении развития европейского военного дела. Как отмечал П. Кеннеди, в Европе «...не было обширных равнин, где могли бы возникнуть кочевые империи...; не было широких и плодородных речных долин, подобных тем, что раскинулись по берегам Ганга, Нила, Евфрата, Тигра, Хуанхэ или Янцзы, обеспечивающих продовольствием множество трудолюбивых и легко покоряющихся крестьян. Европейский ландшафт был более разнообразным, горные хребты и большие леса разделяли отдельные густозаселенные районы в долинах; ее климат сильно изменялся с севера на юг и с запада на восток. Это имело множество важных последствий. Для начала, все это создавало большие трудности на пути установления единого контроля, даже для могущественных и решительных повелителей, и уменьшало возможность покорения всего континента внешней силой, подобной монгольской орде. Напротив, этот разнообразный ландшафт способствовал росту и продолжительному существованию децентрализованной власти, с местными династиями и пограничными владениями, горскими кланами, равнинными городскими конфедерациями, делавшими политическую карту Европы после распада Римской империи похожей на лоскутное одеяло...»⁵¹.

В итоге в Западной Европе создалась ситуация, в чем-то схожая с той, что сформировалась в Древней Греции в VIII–VI вв. до н. э., когда в многочисленных городах-полисах, отделенных друг от друга горными хребтами и проливами, в практически непрерывных междоусобных конфликтах отрабатывались и совершенствовались элементы новой военной машины. Нечто подобное происходило теперь и в позднесредневековой Европе, где в различных регионах военная мысль и практика неустанно трудились над созданием все более и более совершенных военных систем. Сохранявшееся и продолжавшее развиваться политическое многоцветье в немалой степени способствовало тому, что европейское военное дело продолжало развиваться все более и более стремительными темпами, особенно в позднем Средневековье, когда возникли необходимые материальные и иные предпосылки для этого. Постоянно растущая межгосударственная конкуренция и соперничество стали, таким образом, залогом стремительного развития западноевропейского военного дела.

Меняющиеся условия неизбежно должны были привести и к переменам в военном деле, и они не заставили себя долго ждать. Если в начале XIV в. на поле боя главной фигурой был тяжеловооруженный всадник-дворянин, то не прошло и полустолетия, как его начали теснить пехота и первые, пока еще несовершенные пушки, а к концу XVII в. конница как главная ударная сила европейских армий окончательно сошла со сцены. В этом качестве ее сменили пехотинец, вооруженный мушкетом, и пушка. Армия-машина, организованная по принципу мануфактуры, пришла на смену прежнему войску, которое можно уподобить мастерской средневекового ремесленника.

Однако, прежде чем это произошло, военное дело в Западной Европе прошло длительный и сложный путь развития. Классическая «феодалная» армия (по классификации, предложенной Дж. Линном⁵²) уже в XII в. начала претерпевать определенные изменения, связанные с общей тенденцией «профессионализации» и «специализации», присущей всему западноевропейскому обществу того времени. Прежде всего это проявилось в распространении наемничества.

Последнее появляется на Западе достаточно рано и начало быстро прогрессировать примерно с XII в., и обусловлено это было прежде всего развитием товарно-денежных отношений, «коммерческой революцией»⁵³. В результате этой «революции» в руках у монар-

хов и крупных сеньоров появились достаточно крупные по тем временам средства, которые, по словам французского историка Ф. Контамина, «использовались для оплаты различного рода воинских служб, одновременно позволяя консолидировать эти службы, а **временные и пространственные ограничения их выполнения – устранить** (выделено нами. – П.В.) ...»⁵⁴. Последнее соображение представлялось чрезвычайно важным, поскольку обеспечивало монарху или сеньору наличие в его руках постоянной военной силы, готовой практически немедленно выступить в поход и сражаться под знаменами нанимателя до тех, пока тот будет платить деньги, и там, где будет ему угодно, а не 40 дней и 40 ночей и только на своей земле.

Спрос рождает предложение, а предложение стимулировало спрос, и наемничество стремительно распространялось, тесня шаг за шагом прежнее феодальное ополчение. Последнее все чаще и чаще созывалось только в крайнем случае, когда возникала серьезная угроза государству или для подавления внутренних мятежей, волнений и беспорядков. Обычно же корона стремилась заменить службу ополчения денежными выплатами и на собранные средства нанять либо наемников, либо заключить с землевладельцами контракты на несение службы в течение всего срока военной кампании.

Профессионализация и в известной степени «коммерциализация» войны неизбежно вели к дальнейшему усложнению и совершенствованию военного дела. Эпоха, когда на поле боя доминировал благородный тяжеловооруженный всадник, постепенно уходила в прошлое. Презируемые, хотя и считавшиеся необходимыми пехотинцы играли в военных кампаниях, которые вели западноевропейские монархи, все большую роль, и не только во время осад и обороны крепостей и замков, но и в полевых сражениях. Дальнейшему совершенствованию подверглось искусство фортификации. Это способствовало появлению первых отрядов специалистов-техников, обслуживавших стремительно усложнявшуюся механическую артиллерию, а также занимавшихся ведением осадных работ.

Добавим к этому, что опыт кампаний и сражений показывал, что одного лишь личного профессионализма стало недостаточно, нужен был профессионализм коллективный, а дать его могла лишь полностью наемная армия, состоявшая из солдат, для которых военная служба была профессией, единственным ремеслом, а война – образом жизни. Примером тому может служить знаменитое сражение при Креси в 1346 г. Без преувеличения, Европа была потрясена известием о катастрофе, которая постигла блестящее французское рыцарство в этой битве. Примечательно, что поражение армии короля Филиппа VI было обусловлено не столько неумением драться и отсутствием храбрости у французского рыцарства и даже не разрозненностью и неорганизованностью атак французской рыцарской конницы, сколько ошибками в использовании профессиональных наемников-арбалетчиков и отсутствием в должной степени отработанного взаимодействия рыцарской конницы, щитоносцев-*навезьеров* и арбалетчиков. А все это стало следствием того, что французская армия была слишком рыхлой, несколоченной, не превратилась в настоящий боевой механизм, машину, все части которой были бы хорошо притерты друг к другу. Оказалось, что одной только рыцарской доблести и отточенных навыков владения оружием уже недостаточно, чтобы победить. И отнюдь не случайно льежский хронист Жан Ле-Бель, живший и творивший в 1-й половине XIV в., с сожалением писал, что если в годы его молодости «...сеньоры не брали в расчет конных воинов, если у тех не было шлемов, увенчанных геральдической фигурой...», то к началу Столетней войны, по его словам, «...счет войскам ведут на всадников с копьями, с панцирями, с кольчугами и с железными касками. Поэтому мне кажется, что на моей памяти **времена сильно изменились** (выделено нами. – П.В.). Ибо кони, покрытые геральдическими попонами, шлемы, украшенные геральдическими навершиями, латы и плащи с гербами, по коим можно было узнать их владельцев, отошли в прошлое, им на смену пришли кольчуги, называемые ныне панцирями, подлатники и железные каски. Теперь какой-нибудь жалкий слуга может быть вооружен столь же добротной и красиво, сколь и благородный рыцарь...»⁵⁵.

Что еще, как не эта фраза, может красноречивее свидетельствовать о начавшемся упадке благородного рыцарства и росте значения наемников, от которых их наниматели требовали не благородного происхождения, но прежде всего умения сражаться и переносить тяготы военной службы. В расчет берется теперь все чаще и чаще даже не количество, а качество воинов, а сама война становится все больше ремеслом, делом профессионалов, а не развлечением благородных рыцарей. Все это неизбежно вело к дальнейшему усложнению военного дела и к изменению самого характера войны. Ведь распространение наемничества внесло в войну, и без того дело кровавое и жестокое, нотки некой inferнальности. «Ведя речь о средневековой войне, – писала французский историк З. Ольденбург, – невозможно не сказать о безотчетном ужасе, который вызывало одно только упоминание о рутьере – существе без Бога, вне закона, без прав, без жалости и без страха. Его боялись, как бешеной собаки, и обращались с ним, как с собакой... Одно его имя служило объяснением всем жестокостям и святотатствам, он воспринимался как живое воплощение ада на земле...»⁵⁶. В самом деле, набираемые обычно из низов общества и зачастую из разного отребья, люмпенов, маргиналов, оказавшихся вне традиционной иерархии средневековых «сословий»-*tats*, наемники-*рутьеры* были действительно настоящей «сволочью», «сбродом» в изначальном смысле этих терминов, к которой были неприменимы обычаи «правильной» войны. Для них и в самом деле «законы были не писаны». С учетом этого становится понятным, почему войны становятся все более и более кровопролитными. «С одной стороны, – писал Д. Уваров, – это связано с растущей ролью пеших простолудинов: они не могли рассчитывать на выкуп, поэтому уничтожались без пощады и сами были не склонны щадить противников-рыцарей, даже в ущерб кошельку. С другой стороны, изменившаяся тактика, особенно массированная стрельба из луков по площадям, а также массовый ближний пехотный бой с использованием древкового оружия, делала взаимное избиение трудно-управляемым процессом»⁵⁷.

И немудрено, что в позднесредневековом обществе происходила постепенная дегероизация войны, ее переоценка, результаты которой зафиксировал в начале XVI в. Н. Макиавелли. Он писал, что «...государства, если только они благоустроены, никогда не позволят какому бы то ни было своему гражданину или подданному заниматься войной как ремеслом, и **ни один достойный человек никогда ремеслом своим войну не сделает...**». Потому, по его мнению, что «...**война – это такого рода ремесло, которым частные люди честно жить не могут...**». Одним словом, «...люди, большие или ничтожные, занимающиеся войной как ремеслом, могут быть только дурными (выделено нами. – П.В.)...»⁵⁸.

Любопытным примером новых веяний в военном деле позднесредневековой Европы может служить войско английского короля Генриха V, которое он собрал в Саутгемптоне перед тем, как отправиться на завоевание Франции. Оно насчитывало около 10 тыс. бойцов, не считая многочисленного обслуживающего персонала. В нее вошли 2 тыс. полностью экипированных тяжеловооруженных всадников – *men-at-arms*, почти 8 тыс. пехотинцев-стрелков, отряд рудокопов для осуществления подкопов под стены неприятельских крепостей, 65 пушкарей во главе с 4 голландскими мастерами-артиллеристами. Английская армия, собранная на контрактной основе, включала в себя не только подразделения набранных королевскими капитанами воинов и отряды валлийских наемников, но и вооруженные формирования королевских вассалов. Примером такого отряда может служить выставленный герцогом Глостерским контингент, насчитывавший 200 «копий» (т. е. тяжеловооруженных конных воинов со свитой, в том числе самого герцога, 6 рыцарей и 193 эсквайра) и 600 конных лучников, точнее ездящих, поскольку в английской практике лучники в то время перемещались на конях только вне поля боя, а перед боем спешивались⁵⁹. Ядро армии составили опытные, закаленные в предыдущих военных кампаниях в Уэльсе ветераны. Для ее снабжения Генрих и его помощники проделали огромную работу по созданию необходимых материальных запасов – осадных машин, пороха,

боеприпасов, инструментов, продовольствия, фуража, обуви, одежды и амуниции. Но и это еще не все – Генрих установил в своей армии строжайшую дисциплину и порядок, которым были подчинены все – от рядового лучника до знатнейшего аристократа⁶⁰. Такая армия действительно представляла в известной степени новое явление, значительный шаг вперед в средневековом военном деле. На смену феодальной армии пришла, как указывал Дж. Линн, «средневековая оплачиваемая» армия⁶¹.

XIV–XV вв. вообще стали в истории западноевропейского военного дела временем серьезных перемен, своего рода зарей нового дня. Центральное событие этого периода, один из крупнейших военных конфликтов Средневековья, Столетняя война 1337–1453 гг. между Англией и Францией резко ускорила процесс развития европейского военного дела. Именно в годы этой войны тактика и стратегия европейских армий приобретают все более и более осмысленные формы, а сами армии становятся значительно более сложными по структуре. Как отмечал Д. Уваров, в годы этой войны, втянувшей в свою орбиту два, пожалуй, наиболее развитых на то время в военном отношении государства Европы, «стал восстанавливаться баланс между конницей, тяжелой пехотой и стрелками, ранее неоправданно сдвинутый в пользу тяжелой конницы по конкретным социально-экономическим причинам...»⁶². Тяжеловооруженная рыцарская конница все еще оставалась важным родом войск, однако только в тесной связке с пехотой, в особенности со стрелками, она могла добиться серьезных успехов. В противном случае ее практически неминуемо ожидало жестокое поражение. Но эта связка не могла возникнуть в войске, собираемом от случая к случаю, и потому в сознании западноевропейской военной элиты все больше и больше укреплялась мысль о необходимости придания армиям большей регулярности и постоянства.

Но не только изменением характера войны, структуры армий и их социального состава характеризуется военное дело времен Столетней войны. Именно на это время наряду с совершенствованием традиционных форм и методов ведения войны в европейском военном деле приходится появление и быстрое распространение технического новшества, которое в скором будущем перевернет военное дело в целом. Речь идет об огнестрельном оружии. Точно время и место его рождения по-прежнему остаются предметом споров и разногласий, однако тем не менее уже сейчас можно с уверенностью утверждать, что первые работоспособные образцы огнестрельного оружия в Западной Европе начали использоваться более или менее регулярно со 2-й четверти XIV в. Во всяком случае, в 1326 г. флорентийская Синьория назначила двух мастеров для изготовления *бомбард*, в 1331 г. бомбарды были применены при осаде Чивидале, в 1333 г. – во время осады Бервика-на-Твиде. В 1338 г. бомбарды впервые применяют французы, а в 1340 г. ими обзаводится папская армия. «Таким образом, – заключал французский историк Ф. Контамин, – лет за двадцать и путями, проследить которые не представляется возможным, новое изобретение распространилось по всему Западу – вероятно, начиная с Италии...»⁶³ Таким образом, к началу Столетней войны огнестрельное оружие уже не было новшеством для западноевропейских военных теоретиков и практиков.

Лиха беда – начало, и пущенное в ход, едва появившись на свет, огнестрельное оружие достаточно быстро вошло в практику, несмотря на долгое время отрицательное к нему отношение. Как писал военный писатель 2-й половины XVI в. Фрэнсбергер, «...не понадобится больше ни настоящего человека, ни храбрости, раз всевозможная хитрость, обман, предательство вместе с этими омерзительными орудиями получили такой перевес, что ни умение фехтовать, бороться, драться, ни оружие, ни вооружение, ни сила, ни искусство, ни храбрость уже ничего не могут, ничего не значат. Ибо часто случается, что храбрый герой бывает убит из пушки никуда не годным, отовсюду выгнанным малым, который не посмел бы в другое время с ним заговорить или даже взглянуть на него...»⁶⁴. Преимущества, которые давало обладание этим оружием, были слишком велики, чтобы им пренебрегать из моральных побуждений.

Во 2-й половине XIV – 1-й половине XV в. процесс развития технологий и приемов использования огнестрельного оружия привел к его дифференциации, что нашло отражение в соответствующей терминологии. Как указывал Ф. Контамин, если в XIV в. во Франции было известно два термина для обозначения огнестрельного оружия – «пушка» и «бомбарда», то к началу 80-х гг. следующего столетия в обиход входит по меньшей мере 10 его наименований⁶⁵. Что, как не этот факт, свидетельствует в пользу его широкого распространения и совершенствования? Во 2-й четверти XV в. начался постепенный переход к использованию зерненого пороха при очевидном снижении его цены примерно вдвое в сравнении с концом XIV в. Тогда же в обиход наряду с прежними каменными ядрами стали входить отлитые из железа.

Но и это еще не все. Наряду с тяжелым огнестрельным оружием, артиллерией, во 2-й половине XIV в. на свет появляются и первые образцы более легкого, не столь громоздкого и более удобного в обращении. Еще в 1364 г. магистрат Перуджи поручил изготовить 500 *ручниц* длиной в одну пядь, которые можно было бы удерживать одной рукой и пули которых пробивали бы доспехи. В 1381 г. Совет Аугсбурга решил выставить в числе прочих воинов против франконского и швабского дворянства 30 стрелков из ручниц, а в 1388 г. милиция Нюрнберга насчитывала 48 стрелков, способных к обращению с ручницами. В. Бехайм не без оснований полагал, что эти первые «ручницы», «огневые трубки» (нем. *feuerrohr*) представляли собой переходный тип от легких пушек к ручному огнестрельному оружию⁶⁶. К середине XV в. от этих ручниц, требовавших в обслуживании двух человек – стрелка и наводчика, перешли к «нормальным» ручницам, обслуживавшимся одним стрелком. В Италии такие ручницы, принятые первоначально на вооружение конницы, получили название *скопитусы* (от лат. *scopitus*), а во Франции – *петриналь* (фр. *petrinal*). Серьезным шагом вперед стало изобретение в Германии примерно в середине XV в. фитильного замка, благодаря чему отпала необходимость включать в расчет ручницы второго человека, а сам процесс стрельбы из нее стал более удобным и простым.

Таким образом, к середине XV в. сформировались определенные предпосылки для того, чтобы перейти на новый, более высокий уровень развития европейского военного дела. Этот шаг был сделан в ходе последнего этапа Столетней войны и Бургундских войн, а особенно во время многочисленных войн, бушевавших в Италии в конце Средневековья⁶⁷. Именно к этому времени относятся первые попытки создания по-настоящему постоянных армий.

Одним из первых это попытался сделать король Франции Карл VII. Стремясь избавиться от банд «живодеров»-наемников, чьи услуги стали менее востребованы после заключения в 1435 г. Аррасского мира между ним и бургундским герцогом Филиппом Добрым, Карл приступил к реорганизации своей армии. Она проходила поэтапно. Сперва в ноябре 1439 г. королевским ордонансом было введено монопольное право короля на набор солдат, ограничена численность «компаний» и сделана попытка посадить их гарнизонами в приграничных крепостях. Затем в 1445 г. Карл приступил к проведению 2-го этапа реформы. Характерно, что он вовсе не создавал постоянной армии – она уже была, образовавшись сама собой как следствие непрекращавшейся на протяжении нескольких десятков лет войны. Скорее, французский король провел, по словам Ф. Контамина, «... операцию сортировки, отбора зерна от плевел среди всей массы имеющихся воинов, придав официальный статус лишь определенным людям и одинаковым по составу отрядам...»⁶⁸.

На первых порах было создано 15 «королевских ордонансовых рот» (*companies de l'ordonance du roi*) во главе с отобранными капитанами, в преданности и верности которых король не сомневался. Каждая такая рота насчитывала 100 копий-«ланс» (*lances*). «Ланса» включала в себя конного латника (*homme d'armes*), 2 конных стрелков-аршеров (*archers*) и 2–3 слуг. В 1447 г. в состав «лансы» был включен кутилье (*coutillier*) – конный латник, но имевший более легкий доспех, нежели жандарм. К этому времени число «ланс» выросло до 20.

Одновременно Карл приступил к созданию так называемых «рот малого ордонанса», которые должны были нести преимущественно гарнизонную службу, а также серией ордонансов 1445, 1448, 1451 и 1460 г. учредил пехоту франк-аршеров (*franc-archers*), набиравшуюся из числа крестьян⁶⁹. И если последние не оправдали себя и к концу века были вытеснены наемниками, то ордонансовые роты сохранились до 1600 г., достигнув своего расцвета благодаря деятельности бургундского герцога Карла Смелого. Создав по примеру Карла VII в 1471 г. собственные ордонансовые роты, Карл изменил их структуру, равно как и численность «лансы», одновременно попытавшись придать им большую регулярность посредством введения более или менее постоянного обучения.

Тем не менее, оценивая ордонансовые роты Карла VII и Карла Смелого, все-таки стоит согласиться с мнением немецкого историка Г. Дельбрюка, который писал, что эта военная организация «...не представляет собой ничего современного, а наоборот, это – последний, можно было бы даже сказать, самый надежный побег Средневековья... Ордонансовые роты, поскольку они составлялись из конных, представляют собой известный переход от рыцарства к кавалерии, но до последней еще очень далеко... Решающей характеристикой, благодаря которой ордонансовые роты должны быть отнесены именно к средневековому военному делу, является сама основа организации – то, что она построена на понятии «копье». В основе «копья» лежит то, что бойцом является рыцарь, а все прочее – лишь **подсобное оружие** (выделено нами. – П.В.)... «Копье» внутри ордонансовых рот является лишь, так сказать, утонченным средневековьем, а именно стремлением в смешанном бою создать поддержку рыцарям со стороны вспомогательных родов войск...»⁷⁰. Одним словом, создание ордонансовых рот еще не означало революционного переворота в военном деле Западной Европы. По существу, речь шла о том, чтобы использовать с максимально возможной эффективностью прежние средневековые структуры.

Попытки реорганизации рыцарской конницы на основаниях большей регулярности, предпринимавшиеся во Франции и Бургундии в 40–70-х гг. XV в., проходили примерно в одно и то же время с формированием новой западноевропейской пехоты. Обычно считается, что новую страницу в ее истории открыли английские лучники при Креси⁷¹. Однако вряд ли с этим можно согласиться хотя бы потому, что английский пример фактически так и остался единственным и неповторимым. Напротив, есть все основания полагать, что европейская пехота Нового времени ведет свое начало от швейцарцев и их злейших врагов и противников на поле боя немецких *ландскнехтов* (*landsknechte*).

В политическом и социально-экономическом отношении Швейцария представляла к началу XIV в. один из наиболее отсталых регионов Европы. Феодалные порядки здесь были развиты чрезвычайно слабо, и крестьяне-горцы, главным занятием которых было преимущественно скотоводство, сохранили старые общинные порядки и в значительной степени свободу от каких-либо форм феодальной зависимости. «Если географический и экономический моменты создали основу для сохранения крепкого организма некоторых поземельных общин, – отмечал Г. Дельбрюк, – то наряду с этим они способствовали также сохранению и поддержанию в них воинственного духа... Скотоводство и охота в горах были больше способны поддерживать воинственно-авантюристический дух, чем земледельческие равнины, а бедность горной жизни побуждала искать занятий и заработка в другом месте...»⁷².

Ожесточенная борьба, которую выдержала Швейцарская конфедерация против прежде всего австрийских Габсбургов в XIV в. (своеобразными вехами в ней стали сражения при Моргартене в 1315 г., Лаупене в 1339 г. и Земпахе в 1389 г.), способствовала тому, что к началу XV в. швейцарцы отработали в совершенстве свою тактику. В принципе в ней не было ничего такого, что не известно к тому времени. Шотландская армия, сражавшаяся за независимость своей страны от Англии на рубеже XIII–XIV вв., также состояла преимущественно из пеших

копейщиков, сражавшихся в глубоких сомкнутых боевых построениях. Шотландцы сражались в нескольких массивных колоннах-шилтронах – швейцарские батальи были их близким аналогом. Единственное различие – шотландцы были преимущественно копейщиками, тогда как швейцарцы XIV – начала XV в. главным образом алебардьярами, а на пике они перевооружаются окончательно только к концу XV в.⁷³ Более того, шотландские армии Уильяма Уоллеса и Роберта Брюса в большей степени, чем швейцарские ополчения, носили комбинированный характер. Тем не менее именно швейцарцам удалось доказать, что пехота может успешно действовать против рыцарской конницы и поддерживающих ее пехотинцев.

В чем же заключался секрет успеха швейцарцев? На наш взгляд, одна из причин заключалась в том, что швейцарцам в начале своего военного пути ни разу не пришлось противостоять английским лучникам. Шотландцы были ничуть не менее воинственны и обладали не меньшим боевым духом, однако они ничего не могли поделать против ливня стрел, который обрушивали на них тысячи английских лучников, после чего их обескровленные шилтроны легко уничтожались неприятельскими рыцарями. Собственно говоря, как отмечал Д. Уваров, «...изначально английская тактика комбинированного использования лучников и спешенных рыцарей была «заточена» на плотные, глубокие формирования пеших копейщиков-шотландцев, **атакующих медленно и сравнительно узким фронтом** (выделено нами. – П.В.)...»⁷⁴.

Швейцарцы в начале своей карьеры не только не имели против себя неприятельских стрелков в достаточно большом количестве, обученных вести массированный обстрел медленнодвигающихся глубоких колонн неприятельской пехоты, но, как правило, всегда имели значительное численное превосходство над противником. О том, что могло бы ожидать швейцарцев, попади они в ситуацию, когда бы им противостояла опытная армия, насчитывавшая большое число хорошо обученных стрелков, может свидетельствовать проигранное отрядом швейцарцев в 1444 г. сражения при Сен-Якоб-ан-дер-Бирс, где их противником выступили французские «живодеры» во главе с будущим королем Людовиком XI. Исход боя, несмотря на все упорство и храбрость, как обычно, проявленные швейцарскими пехотинцами, был разрешен массированным обстрелом батальи швейцарцев артиллерией и стрелками французов.

Далее, для понимания причин успехов швейцарцев представляются следующие особенности их тактики: во-первых, суровая, если не сказать, жестокая дисциплина – всякий, покинувший свое место в строю во время боя, неважно, по трусости или же в погоне за добычей, подлежал немедленной смерти от рук соседей. Точно так же беспощадно наказывалось неповиновение командирам. Швейцарцы дрались храбро и упорно, никогда не бежали и не капитулировали – они прекрасно знали, что к ним, обычным «мужикам», законы «хорошей» войны с ее рыцарским кодексом чести неприменимы, и милосердия им от противника ждать не приходится. Естественно, что и сами они никогда не давали пощады врагу, практически никогда не беря пленных – даже знатных. Все это создавало швейцарцам образ свирепых, беспощадных солдат, которым не дорога ни своя, ни тем более вражеская жизнь. Далее, как отмечал Дж. Гаш, «швейцарцы использовали обычные, вполне традиционные приемы обращения с оружием и тактику, но они отрабатывались под руководством суровых и опытных старых воинов до такой степени, что становились как бы второй натурой бойца»⁷⁵. Массовое перевооружение швейцарцев длинными пиками во 2-й половине XV в. еще более увеличило значимость регулярного строевого учения, так как длинная пика была малоэффективна в руках отдельно взятого бойца, но когда она применялась массированно, действенность этого оружия становилась чрезвычайно высокой.

И последнее, но, пожалуй, первое по важности обстоятельство. Как правило, швейцарцы на поле боя действовали в трех колоннах-баталиях – авангард (*vorhut*), центр (*gewalthaufen*) и арьергард (*nachhut*). И эти батальи, в отличие от шотландских шилтронов, всегда действовали наступательно, атакуя бурно, быстро, стремясь как можно быстрее довести дело до руко-

пашной схватки, в которой они брали верх количеством и силой натиска массы сплотившихся пехотинцев. Более того, баталии выстраивались уступом и маневрировали на поле боя, взаимно поддерживая друг друга и усиливая удар. Так было, к примеру, в сражении при Лаупене, где авангардная баталия армии Берна и его союзников была остановлена и окружена рыцарской конницей, однако главная баталия опрокинула противостоявшую ей пехоту противника и нанесла удар рыцарям во фланг, вынудив их к отступлению. Примечательно, что часть сил противника успешно атаковала и вынудила к отступлению арьергардную баталию бернцев, но вместо того, чтобы атаковать центр неприятеля с тыла, она бросилась грабить лагерь и преследовать бегущих, тогда как бернцы сумели удержаться от соблазна и развернулись на выручку попавшего в беду авангарда⁷⁶.

Массивные, тесно сомкнутые тяжеловесные баталии швейцарцев, обладавшие огромной ударной силой, умело и слаженно маневрировавшие на поле боя и придерживающиеся наступательной тактики, до начала XVI в. практически не знали серьезных поражений. Более того, именно швейцарцы разгромили одну из лучших европейских армий 2-й половины XV в. – армию бургундского герцога Карла Смелого. Серия сражений 1474–1477 гг. показала, как отмечал отечественный военный историк и теоретик А.А. Свечин, что «...сплоченный в тактическую единицу рядовой, плохо обученный боец оказался сильнее индивидуального, квалифицированного, тренированного с детских лет средневекового воина. Муртен сделал эту истину очевидной для всех, и в течение двух последующих десятилетий средневековый строй вооруженных сил на западе Европы отпал; повсюду отмечается стремление создать пехотные части, образовать армию из тактических единиц, а не из распыленных людей. Копье – это типично средневековое соединение всех родов оружия в рыцарскую свиту, отпало...»⁷⁷.

Однако в полной мере ни армии Карла VII и Карла Смелого, ни швейцарские ополчения нельзя считать в полной мере теми эмбрионами армий Нового времени хотя бы по той единственной причине, что они оставались все-таки армиями по сути своей средневековыми: первые – рыцарскими, конными, а вторые – пехотными⁷⁸. Отнюдь не случайно в 1500 г. конные ордонансовые роты во Франции именовались «l'ordinaire de la guerre», тогда как пехоту – «l'extraordinaire», так как первые существовали уже в мирное время, а вторые набирались только в военное время. Между тем, характеризуя швейцарцев, Г. Дельбрюк справедливо писал, что «...если бы швейцарцы захотели развиться до положения самостоятельной великой военной державы, им надо было не только обзавестись иным централизованным правительством, но и своевременно развить у себя два других рода войск – конницу и артиллерию. Вся их сила зиждилась исключительно на пехоте...». В горах, где трудно было развернуться коннице и тем более артиллерии, швейцарская пехота имела несомненный перевес над своими противниками, но на равнинах их «однобокая» армия безусловно уступала противнику, который мог бы противопоставить швейцарским глубоким колоннам аналогичным образом действующую пехоту, но подкрепленную при этом кавалерией и артиллерией. Таким образом, делал вывод Дельбрюк, «...всемирно-историческое достижение швейцарцев ограничилось лишь созданием пехоты, которая послужила образцом для прочих стран...». Каждая из них развивала одну только сторону, один род войск, но не всех их в комплексе и в тесном взаимодействии и взаимосвязи. Поэтому намного больший интерес для выявления особенностей процесса становления военного дела Нового времени представляет опыт ведения войн итальянскими наемниками-кондотьярами в XIV–XV вв.

Наемничество в Италии возникло очень рано, что было обусловлено особенностями ее политического и социально-экономического развития, и к XIV в. приобрело широкий размах, постепенно вытесняя традиционное городское ополчение и рыцарскую милицию. Отряды-«компании» наемников, действовавшие в Италии, на первых порах были относительно немногочисленны и далеко не всегда брались на содержание нанимателями, нередко существуя

длительное время преимущественно за счет собственных средств. В этом отношении они мало чем отличались от рутьеров XII–XIII вв.⁷⁹. Однако вместе с тем уже тогда в их организации стали явственно просматриваться элементы нового. Еще раз подчеркнем, что в то время Италия, в особенности северная, представляла в экономическом отношении один из наиболее развитых регионов Западной Европы, тем более что она оказалась не затронута Столетней войной. Купцы и банкиры, стоявшие во главе североитальянских городов, пришли к вводу, что им нет смысла брать в руки меч, копье или арбалет и выступать в поле биться с такими же купцами и банкирами других городов, когда есть те, кто готов сделать это за вознаграждение. Как указывал Ф. Контамин, «...в городах-государствах Центральной и Северной Италии правящие классы, которые должны были стать костяком армии, все больше и больше погружались в свою профессиональную деятельность и предпочитали прибегать к помощи наемников... Использование наемников может быть объяснено главным образом экономическими и военными факторами: с одной стороны, города располагали достаточным количеством свободных денег, чтобы платить наемникам; с другой стороны, на большом рынке войны хватало наемников, чья боеспособность, как считалось, с лихвой окупает их оплату...»⁸⁰. Одним словом, итальянский городской патрициат пришел к мнению, что каждый должен заниматься своим делом, спрос породил предложение, а предложение, в свою очередь, как это уже было не раз, стимулировало развитие спроса. После почти полувекового преобладания «компаний», в рядах которых сражались главным образом англичане, немцы, французы, испанцы, венгры, бретонцы и др. иностранцы, с 80-х гг. XIV в. их постепенно вытесняют «компании», укомплектованные преимущественно итальянцами во главе с капитанами-кондотьерами (*condottieri*).

Военная служба была полностью поставлена на коммерческую ногу. Заказчик-локатор (*locator*) нанимал подрядчика-кондуктора (*conductor*), заключая при этом с ним контракт-кондотту (*condotta*). В кондотту заносились имя капитана, численность отряда, размеры жалованья, принципы дележа добычи и порядок выкупа попавших в плен солдат, размеры власти капитана над его людьми и пр. Обязательно оговаривался срок службы – обязательный (*ferma*) и на сколько он мог быть продлен (*di rispetto*). Характерно, что и размеры оплаты солдат, и сроки службы непрерывно возрастали. И то, и другое должны были служить залогом верности наемников своему нанимателю и исполнения ими определенных в кондотте обязанностей. Не случайно, что именно итальянский кондотьер Дж. Тривульцио, нанявшийся на службу к французскому королю Карлу VIII, на вопрос своего локатора, что ему больше всего необходимо для ведения войны, заявил: «Деньги, много денег, еще больше денег!» Весьма характерное признание! Как говаривали древние римляне, «Деньги – нерв войны» (*Pecunia nervus belli*), и итальянские кондотьеры, равно как и их наниматели, это хорошо усвоили.

Высокую и постоянно растущую цену своих услуг капитаны «компаний» объясняли своей высокой боеспособностью и эффективностью. И они были правы – высокий профессионализм, основанный в том числе и на редкой для того времени специализации родов и видов войск, был характерной чертой итальянского кондотьерства. В коннице это было заметно не так сильно – наряду с тяжеловооруженными латниками, представлявшими главную ударную силу «компаний», важным элементом последних являлись также и легковооруженные и экипированные легкие всадники. Среди легкой итальянской конницы того времени особенную известность завоевали так называемые страдиоты (*stradiotti*), происходившие с Балканского полуострова. Ф. де Коммин так описывал стратиотов, служивших антифранцузской Лиге в 1494–1495 гг.: «Стратиоты напоминают мусульманских конников, и одеты они и вооружены, как турки, но на голове не носят уборов из полотна, называемых тюрбанами... Люди они храбрые, и сражаться с ними нелегко»⁸¹.

Тяжеловооруженные всадники по традиции нанимались на службу «копьями» (*lance*), в состав которого, помимо латника (*capo lancia* или *armigero vero*), обязательно входили его ору-

женосец (*piatto*) в облегченном доспехе и паж (*ragazzo*). К концу XV в. размеры «копья» увеличились до 4–5 человек за счет включения в него дополнительно еще и конного арбалетчика и легковооруженных всадников⁸². На поле боя латники действовали отдельно от прочих членов «копья», объединенные в «эскадроны» (*squadri*) во главе с *caposquadra* или *squadrieri*. Примечательно, что «эскадрон», как правило, был примерно одной и той же численности – от 50 до 100 «копий», которые нередко для удобства управления делились на малые «эскадроны» по 25 «копий». К концу XV в. появился обычай соединять по 8–10 малых «эскадронов» в *colonella* во главе с *colonelli*. Сражались латники конными, но в случае необходимости могли спешиваться – этот обычай они переняли от англичан, с тактикой которых итальянцы ознакомились в XIV в., когда многие «компании» были укомплектованы в значительной степени бойцами с Британских островов. Ф. де Коммин, описывая появление лигистских *colonelli* перед началом битвы под Форново, писал: «Итальянцы двигались тихим шагом и **тесно сомкнутыми рядами** (выделено нами. – П.В.), что представляло собой удивительное зрелище...»⁸³. Весьма примечательное свидетельство для характеристики образа действий конницы кондотьеров!

Намного больший интерес представляет итальянская пехота – *fanti*, или *fanteria*. К XV в. она стала исключительно профессиональной. Городское ополчение, столь успешно противостоявшее немецким рыцарям в XII в., к этому времени практически перестало существовать. Ему на смену пришла поначалу немногочисленная, а с середины XV в. стремительно увеличивавшаяся в числе хорошо обученная и подготовленная наемная пехота. Для итальянской пехоты той эпохи была характерна чрезвычайная специализация. Анализ содержания кондотт показывает, что ко времени начала Итальянских войн «компании» кондотьеров включали в себя следующие виды пехоты: копейщиков-*lanceri* с длинными или короткими копьями, арбалетчиков-*balestrieri*, лучников-*arceri*, пикинеров-*picchieri*, возникших под влиянием успехов швейцарских пикинеров, легких пехотинцев-*rotularii*, действовавших совместно с арбалетчиками, щитоносцев-*targhieri* и, наконец, стрелков из ручниц-скопигусов – *schiopettari*. И если в начале XV в. пехота оставалась относительно немногочисленной – так, кондотта, заключенная между Флоренцией и Микелетто дельи Аттендоли в ноябре 1432 г., предусматривала, что капитан выставит на службу республики 600 «копий» (т. е. 1800 конных воинов) и всего лишь 400 пехотинцев – 200 арбалетчиков, 100 павезьеров и 100 копейщиков, то к концу века все переменялось. Венецианская республика располагала 20 тыс. пехотинцев на 2 тыс. конных латников и 3 тыс. стратиотов. Флоренция же имела 10 тыс. пехотинцев (7 тыс. пикинеров, 1 тыс. аркебузирова, 2 тыс. арбалетчиков, алебардьеров и рондашьеров). Примечательным было широкое распространение в итальянских армиях конца XV в. ручного огнестрельного оружия. Еще в 1448 г. Франческо Сфорца выставил в поле столько скопитариев, что из-за порохового дыма им было трудно ориентироваться на поле боя, а в 1482 г. миланская армия на 233 арбалетчика имела 352 аркебузира и 1250 воинов с петриналями. Эффективность скопитариев была признана настолько высокой, что венецианский Совет десяти решил в 1490 г. полностью отказаться от арбалетов и заменить их на ручницы⁸⁴.

Столь же изощренной была и тактика итальянцев. Конница и пехота обучались действовать в тесном взаимодействии друг с другом, а само деление пехоты на несколько узкоспециализированных родов изначально предполагало, что они будут действовать на поле боя только совместно. Вооруженные древковым оружием пехотинцы обычно формировали центр боевого порядка и действовали при поддержке арбалетчиков, лучников и стрелков из ручниц, легкие же пехотинцы вместе со стрелками обучались ведению маневренного боя в рассыпном строю, максимально используя складки местности. Конница атаковала противника накатывающимися одна за другой волнами «эскадронов», разворачиваясь для боя под прикрытием легкой конницы стрелков. Характерной чертой тактики итальянцев было использование полевых фортификационных укреплений и укрепленных лагерей (*seraglii*), в которых в случае необходи-

мости могла укрыться целая армия. Венецианцы активно использовали своих страдиотов для совершения набегов и рейдов в глубь неприятельского расположения, ведения разведки и опустошения местности. Примечательно, что итальянские кондотьеры и их наниматели вообще придавали большое значение экономическому истощению противника, потому в армиях кондотьеров всегда были отряды «опустошителей»-*quastatori*, специализировавшихся именно на опустошении неприятельских земель⁸⁵.

Наряду с практикой в Италии XIV и в особенности XV в. получила развитие и военная теория, что опять-таки было еще одной из черт военного дела Нового времени. Трактаты по тактике и стратегии Орсо дель Орсини и Диомедо Караффа и других авторов, работы по фортификации и ведению осадной войны, артиллерийскому делу, основанные на обобщении богатого опыта войн (только в XV в. в Италии произошло 71 крупное сражение и 51 большая осада, не считая мелких и незначительных стычек и осад), – все это выгодно отличало итальянское военное дело от остального европейского. Единственное, в чем уступали итальянцы своим соседям к северу от Альп, – так это в артиллерии. К концу XV в. итальянская артиллерия, несмотря на свою многочисленность, находилась на относительно низком техническом уровне. Возможно, что это объяснялось стремлением кондотьеров решать все вопросы в полевом сражении, не расходуя время, силы и драгоценный вышколенный и обученный личный состав на ведение осад и штурмов хорошо укрепленных городов.

Тем не менее к концу XV в. Италия в целом опережала своих непосредственных соседей в развитии военного дела, подойдя на то время ближе всех к созданию армии нового типа. Однако незавершенность процессов политической централизации и вмешательство в итальянские дела великих держав воспрепятствовали сохранению прежних темпов развития военного дела на Апеннинском полуострове. Отлично обученные и экипированные «компании» кондотьеров, сражавшиеся по разные стороны линии фронта, в конечном итоге были истреблены, а сама Италия поделена на сферы влияния своими более могущественными соседями.

Таким образом, если подводить общий итог развития военного дела Западной Европы к началу XV в., то нетрудно заметить, что перемены в нем были не настолько значительны, чтобы произвести коренной переворот не только в характере ведения войн, но и в государстве и обществе. Пока еще было рано говорить именно о «военной революции». В конце концов, даже блестящие образцы военного искусства, предъявленные такими лучшими представителями итальянского кондотьерства, как Бартоломео Коллеони, Атендоло Сфорца, Браччо да Монтоне, или подвиги швейцарских пехотинцев, не говоря уже о действиях французских и английских военачальников конца Столетней войны, по существу представляли собой всего лишь вершину развития средневековой военной системы. Даже несмотря на отдельные эпизодические случаи успешного применения огнестрельного оружия, исход сражения и у кондотьеров, и у швейцарцев, и у французов решался все-таки в рукопашном бою, **в схватке лицом к лицу с применением холодного оружия** (выделено нами. – П.В.). И можно согласиться с мнением М. Робертса, который отмечал, что «военное искусство в средневековой Европе было основано преимущественно на рукопашном бое и носило главным образом наступательный характер...»⁸⁶. И здесь уже неважно, кто играет на поле боя главную роль – рыцарь «лансы» ордонансовой роты или же швейцарский пикинер и алебардист. Их оружие и доспехи были оптимизированы именно для наступательного боя – только так они могли сойтись в ближнем бою с неприятелем и опрокинуть его. Так или иначе, именно они доводили начатое лучниками и арбалетчиками сражение до логического завершения. Этому в немалой степени способствовало несовершенство огнестрельного оружия как тяжелого, так и легкого, на рубеже XV–XVI вв. Скептическое к нему отношение военных теоретиков и практиков того времени нашло свое отражение, к примеру, у Н. Макиавелли⁸⁷. Кризис еще не наступил, и средневековое военное дело еще сохраняло значительные резервы для совершенствования.

§ 2. «Ренессансная» военная система и кризис военного дела Западной Европы во 2-й половине XVI в.

Резервы совершенствования средневековой военной машины, о которых говорилось выше, были задействованы на рубеже XV–XVI вв., когда ведущие державы того времени, Франция, Испания и Римская империя, вступили в противоборство за гегемонию в Европе. Итальянские войны длились на протяжении более чем полувека, с 1495 по 1559 г., и сыграли огромную роль в развитии военного дела и искусства Западной Европы. Русский военный историк А.К. Пузыревский, характеризуя период с конца XV по начало 30-х гг. XVII в., указывал на то, что он стал переходным этапом в истории военного дела⁸⁸. «В области военного дела мы видим действующими еще прежние основные условия, – писал он, – но наряду с ними новые начала пробивают себе путь с большим или меньшим успехом. Состав армий изменяется резко; вместо прежних феодальных ополчений мы видим решительное господство наемников (швейцарцы и ландскнехты); вырабатывается общий тип линейной пехоты (основу которой составили пикинеры, вооруженные длинной пикой. Последняя, по меткому замечанию Ф. Таллетта, стала «queen of battlefield», «королевой поля боя»⁸⁹. – П.В.); появляются разнообразные виды новой кавалерии; огнестрельное оружие, особенно ручное, делает значительные успехи и распространяется с поразительной быстротой; формы строя, вид боевых порядков резко изменяется...»⁹⁰. По существу, можно с уверенностью утверждать, что именно в эти десятилетия были заложены основы будущей военной революции, процесс накопления количественных изменений подошел к концу и возникла необходимость перехода на качественно иной, более высокий уровень развития военного дела. Именно в это время практически завершилась первая фаза военной революции.

Для начала отметим, что к этому времени относится указанный Дж. Линном переход от «средневековой оплачиваемой» армии к армии, полностью наемной, обладавшей целым рядом черт, сближавших ее с современными армиями. «Эта армия, – отмечал историк, – состояла из наемников, сведенных в постоянные части, типа французских *compagnies d'ordonnance* и испанских *tercios*, при этом полевые армии объединяли в своих рядах пехоту, кавалерию и артиллерию при главенствующей роли пехоты... Выставляемые в поле армии представляли собой собрание набранных на время, зачастую иностранных, частей». Характерной чертой этих армий, продолжал дальше Дж. Линн, была система контрактов, которые заключали монархи с капитанами «банд» солдат, причем «нанимаемые часто в последний момент, эти «банды» быстро прибывали на место, уже вооруженные, обученные, организованные и готовые сражаться...»⁹¹.

Другой характерной чертой армий, сталкивавшихся на полях сражений Итальянских войн, было доминирование пехоты над конницей, и не только численно (это можно было наблюдать и в эпоху Средневековья), но и тактически. Армии Западной Европы, образно говоря, «спешили», и именно пехота вернула себе почетное звание «царицы полей». Новые западноевропейские армии состояли преимущественно из пехоты – как пикинеров, так и стрелков. Причин постепенного преобразования «конных» армий Средневековья на «пехотные» эпохи Ренессанса существовало несколько. С одной стороны, как уже было отмечено выше, изменившийся характер войны требовал наращивания численности армий, а сделать это было проще именно за счет пехоты – оснащение, содержание и обучение пехоты стоило меньше, чем рейтар и тем более жандармов. К тому же для осадной войны пехотинец значил намного больше, чем всадник. С другой стороны, дешевая пехота, набранная преимущественно из простонародья, а то и вовсе из отбросов общества, в глазах военачальников была просто расходным материалом. Этого не скажешь о коннице, которая по-прежнему оставалась

(и еще очень и очень долго будет оставаться таковым) аристократическим родом войск, «богатым войском», по меткому замечанию П. Шоню⁹².

Соотношение пехоты и кавалерии окончательно изменилось в пользу пехоты. Конечно, в отдельных сражениях кавалерия еще могла составлять значительную, а порой даже и большую часть армии – от 1/3 до половины, а порой и более. Так, в 1525 г. под Павией французы располагали на 9 тыс. конницы 20 тыс. пехоты. В 1590 г. в сражении при Иври гугенотская армия располагала на 3 тыс. кавалерии 8 тыс. пехоты, тогда как армия католиков – соответственно 4 и 12 тыс.⁹³. Об этом же свидетельствуют данные следующей таблицы⁹⁴:

Таблица 1

Численность пехоты и кавалерии в западноевропейских армиях во время некоторых кампаний конца XV – 1-й половины XVI в.

Год	Кампания	Численность, тыс. чел.	
		пехота	кавалерия
1475	Кастилия и Арагон против Португалии	30	12
1489	Кастилия и Арагон против Гранады	40	13
1494	Французское вторжение в Италию	15	13
1532	Имперская армия на смотре под Веной	80	6
1552	Французская армия	32	5
1552	Венецианская армия	5	1,5

И поскольку бой пехоты решал исход сражения, ее развитию придавалось все большее и большее значение. Образцом для новой западноевропейской пехоты еще в большей степени, чем швейцарцы, стали немецкие ландскнехты. Как отмечал английский историк Дж. Х. Ричардс, «...характерная структура армии ландскнехтов, с ее проработанной иерархией и необычайно большим числом чиновников, занимающихся тысячами вопросов, связанных с организацией полка, имеющих свой ранг, сумму жалованья и положение, определила устройство европейских армий на столетия вперед»⁹⁵.

Наем ландскнехтов имел много общего с аналогичной процедурой у кондотьеров. Наниматель, заинтересованный в получении уже готового к бою контингента солдат, искал опытного, знающего свое дело вербовщика, которому выдавалась соответствующая грамота-патент (*bestallungsbrief* или *bestellbrief*). В этом документе указывалось имя полковника-*oberst*'а, количество нанимаемых солдат, организация и структура нанимаемого отряда, размеры жалованья-*sold*'а рядового солдата, характер службы и ее сроки и др. вопросы⁹⁶. Полковник нес полную ответственность за поддержание боеспособности своего *Regiment*'а в течение всего срока службы и управление на поле боя. В этом ему помогали обширный штаб, заместители-*leutnant*'ы, квартирмейстер, полковой профос, старший фельдфебель (*oberste feldweybel*), провиантмейстер, полковой врач, казначей, знаменосец (*fändrich*), барабанщики, трубачи и др. начальные люди. Регименты, являясь административной, не тактической единицей, в административном же порядке делились на роты-*fähnlein*'ы по 300–500 человек (от 10 до 18 на regiment). Командовали фенлейнами капитаны-*hauptmann*'ы, которым помогал собственный штаб – заместитель-лейтенант, знаменосец, фельдфебель (*feldweybel*) и его помощники-вайбели (*weybel*) и роттенмейстеры (*rottmeister*). И полковник, и капитаны имели личную охрану (*trabanten*). Из числа рядовых ландскнехтов выделялись лучше вооруженные и экипированные бойцы, занимавшие в боевом строю первые шеренги, и те, кто умел обращаться с аркебузой или арбалетом. Все получали двойное жалованье (отсюда и их название – *doppelsöldner*).

Таким образом, regiment ландскнехтов имел чрезвычайно разветвленную иерархию чинов и должностей, и хотя многие из них, особенно на уровне фенлейна, носили выборный характер, тем не менее эта иерархия кардинально отличала ландскнехтов от пехоты Средневековья, сближая их с армией Нового времени, для которой такая иерархия является основой основ⁹⁷.

Создание ландскнехтов обычно связывают с деятельностью императора Священной Римской империи Максимилиана I. После сражения при Гинегате 1479 г., где бургундское войско под началом Максимилиана и графа де Ромона, использовав швейцарскую тактику, наголову разгромило французское войско, действовавшее в том же ключе, что и в конце Столетней войны, молодой император, отличавшийся большим интересом к разного рода военным новшествам, решил вместо ненадежной городской милиции создать профессиональное войско из наемников-пехотинцев, обученных действовать в швейцарском духе. Первое официальное упоминание о ландскнехтах датируется 1486 г., и не прошло и четверти столетия, как ландскнехты превратились в грозную силу, не уступающую по боеспособности своим учителям-швейцарцам. В присущей ему ироничной форме французский философ и моралист М. Монтень так отзывался о боевых качествах немцев и швейцарцев в сравнении с итальянцами, испанцами и французами: «Сообразительность и проницательность итальянцев... так велики, что они заранее способны предвидеть подстерегающие их опасности и бедствия, поэтому не следует удивляться тому, что на войне они часто спешат позаботиться о своем самосохранении еще до столкновения с опасностью, между тем как французы и испанцы, которые не столь проницательны, идут напролом, и им нужно воочию увидеть опасность и ощутить ее, чтобы почувствовать страх, причем даже и тогда страх не удерживает их; немцы же и швейцарцы, более вялые и тупые, спохватываются только в тот момент, когда уже изнемогают под ударами...»⁹⁸.

Своей высокой боеспособностью ландскнехты были обязаны, во-первых, сильнейшему корпоративному духу, *esprit de corps*, уверенностью в собственной непобедимости; во-вторых, отменной выучке как индивидуальной, так и коллективной; в-третьих, четкой организации и структуре, облегчавшей управление и поддержание порядка на поле боя; в-четвертых, строжайшей дисциплине на поле боя и, наконец, характерной тактике, заимствованной у швейцарцев и основанной на ударе массы пехотинцев, действующих в плотных сомкнутых построениях. «... Их (т. е. ландскнехтов. – П.В.) действенность в основе своей зиждилась на их массе и сплоченности, – отмечал Г. Дельбрюк, анализируя причины успехов немецких наемников-пехотинцев в 1-й половине XVI в., – эта сплоченность включала и отдельного человека, обладавшего первоначально недостаточными данными, воспитывала и превращала его во вполне пригодного воина. При той неуклюжей форме колонны, в которой велся бой, не требовалось трудных упражнений, длительного обучения, чтобы сделать из здорового крепкого человека солдата. Достаточно было знать несколько приемов и получить простые навыки – сохранять свое место в строю. Раз были созданы кадры, нетрудно уже было набирать большие массы таких наемных солдат. **Массы давали решительный исход делу. Тот, кто вел на штурм самые большие колонны, должен был победить** (выделено нами. – П.В.)...»⁹⁹.

Мы не случайно выделили именно эти фразы. Стремление разгромить неприятеля и разрешить тем самым проблемы, вызвавшие войну, неизбежно вело к постепенному возрастанию численности полевых армий. Неуклонный рост численности полевых армий стал, пожалуй, одной из самых ярких черт западноевропейских армий эпохи Ренессанса и раннего Нового времени.

Динамику изменения тех сил, что выставляли в поле европейские монархи, демонстрируют следующие цифры. Так, в 70-х гг. XV в. испанская корона легко могла выставить в поле 20 тыс. пехотинцев и всадников, спустя 10 лет, в середине 80-х гг., против эмира Гранады Кастилия и Арагон вместе мобилизовали не менее 36 тыс. чел. пехоты и конницы. В 1510 г.

в экспедиции, организованной Карлом V в Триполи, приняли участие 34,5 тыс. солдат, доставленных на североафриканское побережье морем. Прошло еще почти столетия, и император Карл V держал под ружьем уже 150 тыс. солдат (109 тыс. в Германии и Нидерландах, 24 тыс. в Ломбардии и еще примерно столько же в Испании, Неаполе и на Сицилии), а к концу века его сын, испанский король Филипп II, – все 200 тыс., из них на постоянной службе находились не менее 60 тыс. солдат. Армия его северного соседа и соперника, короля Франции, в конце 60-х гг. того же столетия насчитывала приблизительно 70 тыс. солдат и офицеров, из них на постоянной службе находилось около 16 тыс. чел.¹⁰⁰. Чтобы лучше представить себе разницу между армиями Средневековья и армиями эпохи Ренессанса и раннего Нового времени, отметим, что на рубеже XIII–XIV вв. французские короли выводили в поле обычно не более 10–15 тыс. бойцов, и при этом, по замечанию Э. Перруа, «...французский король по праву считался одним из самых могущественных владык христианского мира...»¹⁰¹.

Конечно, нельзя сказать, что численность армий росла постоянно и неумолимо. Так, в полевых сражениях XVI – 1-й половины XVII в. численность сражавшихся армий редко превышала 30 тыс., о чем свидетельствуют данные следующей таблицы¹⁰²:

Таблица 2

Численность армий в сражениях XVI в.

Дата	Место сражения	Участники	Численность армий, тыс. чел.
1512	Равенна, Италия	испанцы и папа французы	15,5 23
1522	Бикокка, Италия	имперцы французы	14 23
1525	Павия, Италия	имперцы французы	20 28
1544	Черезола, Италия	имперцы французы	13 12
1562	Дрё, Франция	гугеноты католики	13 18
1590	Иври, Франция	гугеноты католики	11 16

В принципе в этом нет ничего необычного. Действительно, армии, встречавшиеся на полях сражений конца XV–XVI вв., не впечатляют своими размерами. В этом отношении они порой немногим отличаются от тех армий, что выходили в поле во времена, к примеру, Столетней войны. Однако вместе с тем общая численность войск, нанимаемых на одну кампанию, значительно выросла по сравнению с прежними временами хотя бы по той простой причине, что теперь нужно было снабдить мало-мальски приличными гарнизонами собственные крепости и обеспечить обложение крепостей неприятеля¹⁰³. При этом государь, готовясь к войне, должен был иметь в виду еще и необходимость создания некоего резерва живой силы, и не только в поле, но еще и для восполнения неизбежных потерь из-за болезней, дезертирства и, само собой, боевых. Поэтому рост численности вооруженных сил становился неизбежным, хотели этого европейские государи или же нет, по вполне объективным причинам.

В качестве наглядного примера, подтверждающего эти тезисы, можно привести данные о распределении сил испанской армии в 1587–1588 гг. Филипп II к этому времени имел в своем распоряжении 135 тыс. солдат. Однако из них только 19 тыс. готовились к посадке на корабли «Великой Армады» для десанта в Англию, тогда как 29 тыс. стояли гарнизонами в Испании, Португалии и Северной Африке; в Милане находилось еще 2 тыс. солдат, в Неаполе 3 тыс., на Сицилии 2 тыс. В заморских владениях испанского короля были расквартированы 5 тыс. солдат в бывшей португальской Ост-Индии и 8 тыс. в американских колониях. К этому числу стоит добавить 27 тыс. солдат экспедиционной армии во Фландрии, что готовились к десанту

в Англию, и еще 40 тыс. бойцов в гарнизонах нидерландских городов¹⁰⁴. Таким образом, имея самую большую на то время армию среди всех европейских монархов, Филипп мог выставить в поле всего лишь 46 тыс. – чуть больше трети! И эта тенденция сохранилась и впоследствии. К примеру, в конце 1632 г. из 183 тыс. солдат, стоявших под знаменами Густава Адольфа, 62 тыс. были размещены гарнизонами в крепостях северной Германии. В 1639 г. испанская Фландрская армия насчитывала около 77 тыс. солдат, при этом почти 33,5 тыс. были размещены по 208 гарнизонам, разбросанным по всей Фландрии.

Однако, пожалуй, не рост численности армий стал основной, наиболее важной чертой этого переходного периода. Намного большее значение имело быстрое совершенствование огнестрельного оружия, первоначально артиллерии, а потом и ручного. Возросшая роль артиллерии и ручного огнестрельного оружия особенно ярко проявилась в годы Итальянских войн конца XV – 1-й половины XVI в. В общем-то не случайно английский исследователь Ч. Даффи отмечал, что «... в военном деле события 1494 г. стали концом Средневековья...»¹⁰⁵. Именно в ходе этого многолетнего конфликта, в который в той или иной мере оказались втянуты все ведущие государства тогдашней Европы, пушки, аркебузы и пистолеты превратились в серьезную силу, оказывающую все более возрастающее воздействие на исход не только отдельных сражений, но и целых кампаний. Именно во время Итальянских войн в практику европейских армий окончательно вошли литые из меди, бронзы и чугуна артиллерийские орудия, литые ядра, фитильные аркебузы и крупнокалиберные мушкеты с подсошками, был изобретен и опробован на деле кремневый замок, а фитильный замок доведен до совершенства. Европейские мушкетеры и аркебузиры опробовали и приняли на вооружение бандольер, что позволило увеличить скорострельность. С изобретением и доведением до работоспособного состояния колесцового замка на вооружение кавалерии поступили пистолеты, которые кардинально изменили тактику европейской кавалерии. Была найдена оптимальная формула состава пороха и «пушечного» металла, а в артиллерийском парке были сделаны первые попытки ввести определенную стандартизацию. К примеру, императором Карлом V в 1544 г., когда все разнообразие калибров было сведено к 7 основным калибрам, а его соперник Генрих II сделал то же самое в отношении артиллерии французской, в которой он установил 6 калибров¹⁰⁶.

Возросшая эффективность и могущество огнестрельного оружия способствовали первым серьезным изменениям в военном деле позднего Средневековья. На полях сражений Итальянских войн окончательно сформировалась тактика, ставшая характерным признаком новой военной школы, которую можно назвать ренессансной. Пожалуй, главную роль в ее формировании сыграли французы. На полях сражений завершающего этапа Столетней войны они опробовали в деле связку тяжелой конницы, *gens d'armes*, и артиллерии. Последняя своим огнем «размягчала» боевые порядки неприятеля, вносила в его ряды смятение, после чего в бой вступала тяжелая конница, сметавшая своим натиском ошеломленного и расстроенного огнем пушек врага. Затем, к концу XV столетия, познакомившись поближе со швейцарцами, французские военачальники дополнили испытанную и эффективную тактическую схему третьим компонентом – ударом массивных «баталий» горской пехоты. Обладавшие огромной ударной мощью и одновременно устойчивостью на поле боя, они даже потеснили рыцарскую конницу, пусть и сведенную в «лансы» и ордонансовые роты, на второй план, не говоря уже о стрелках. Как отмечал М. Робертс, швейцарцы положили конец господству на поле боя тяжеловооруженной рыцарской конницы¹⁰⁷. С этим утверждением нельзя не согласиться, но при одном условии, что при доминировании на поле боя тяжелой пехоты, вооруженной древковым оружием и действовавшей в глубоких сомкнутых построениях, успех тем не менее определялся налаженным взаимодействием всех трех родов войск – жандармов, пикинеров и артиллерии.

Новая школа быстро завоевала признание и была принята на вооружение противниками французов – теми же испанцами и имперцами. Они же попытались найти действенное средство

против предложенной французами схемы. Одним из первопроходцев стал испанский военачальник, «гран-капитан» Гонсало де Кордоба. Обжегшись в первых столкновениях с французами, он прежде всего попытался более активно, чем кто-либо до него, использовать аркебузир для отражения атак французских жандармов и швейцарцев и в 1503 г. при Чериньоле сумел разбить, казалось, непобедимых до того в поле французов. И хотя внимательный наблюдатель обратил бы обязательно внимание на то обстоятельство, что успеху испанских аркебузир в немалой степени способствовали ров и палисад перед их позициями, преодолеть которые не сумели ни жандармы, ни швейцарцы, тем не менее идея понравилась, и аркебузиры все активнее и активнее использовались на поле боя всеми воюющими сторонами, играя при этом все более важную роль. Военачальники, в особенности сражавшиеся под имперскими знаменами, активно экспериментировали, составляя разнообразные «коктейли» из пикинеров и аркебузир, жандармов и артиллерии, пытаясь найти идеальную комбинацию и идеальный боевой порядок, дающие гарантированный успех. Так, в сражении при Черезоле в апреле 1544 г. мы видим интересный тактический прием – гасконцы и ландскнехты, стремясь разредить сомкнутую «баталию» неприятельских пикинеров, поставили во 2-ю шеренгу аркебузир с приказом сделать залп непосредственно перед столкновением. И хотя ландскнехтам это не помогло, однако сама идея перемешать пикинеров и аркебузир была весьма симптоматична.

Конечно, в начале XVI в. было еще рано говорить о закате классического «швейцарского» боевого порядка. Доминирование пикинеров на поле боя во многом обусловлено еще и тем, что М. Робертс назвал «катастрофическим падением огневой мощи пехоты»¹⁰⁸. Как отмечал Г. Дельбрюк, несовершенство тогдашнего огнестрельного оружия не позволяло ему играть на полях сражений главную роль, и «...конечное решение все же еще дают крупные колонны пикинеров...»¹⁰⁹. И на первый взгляд казалось, что пехотная пика надолго обеспечила себе господство на поле боя. Однако уже тогда, в 1-й четверти XVI в., прозвучал первый звонок, возвестивший о том, что век ее как «королевы поля боя» будет недолог. Да, огнестрельное оружие, и в особенности ручное, было еще несовершенно и не играло самостоятельной роли. М. Монтень в своих «Опытах» писал, что «...шпага, которую мы держим в руке, гораздо надежнее, чем пуля, вылетающая из пистолета, в котором столько различных частей – и порох, и кремь, и курок: откажись малейшая из них служить – и вам грозит смертельная опасность... Что касается огнестрельного оружия, то... если не считать грохота, поражающего уши, к которому теперь уже привыкли, то я считаю его малодейственным и надеюсь, что мы в скором времени от него откажемся»¹¹⁰.

Однако несмотря на столь пренебрежительное мнение, никто из полководцев того времени не собирался отказываться от использования огнестрельного оружия только потому, что оно было еще недостаточно надежно, скорострельно и не обладало достаточной меткостью стрельбы. Преимущества аркебузы перед луком и арбалетом были слишком очевидны – это и меньшие требования к физическим качествам стрелка, и меньшее время, необходимое для подготовки аркебузира, и, самое главное, – большая эффективность. При меньшей скорострельности аркебуза и тем более мушкет обладали одним, но чрезвычайно важным достоинством – мощным останавливающим эффектом. Выпущенным из них пулям не могли противостоять прежние доспехи. Уже одно это обстоятельство в глазах военачальников того времени перевешивало все недостатки ручного огнестрельного оружия. В еще большей степени это относилось к артиллерии, которая явно превосходила прежние камнеметы по всем основным параметрам.

Рост числа аркебузир, появление более мощных и эффективных мушкетов, совершенствование артиллерии – все это неизбежно вело к тому, что очень быстро классическая, если ее можно так назвать, ренессансная военная машина, основанная на взаимодействии тяжелой

конницы, тяжелой же пехоты и артиллерии (стрелки в этой схеме играли незначительную роль), стала давать сбои. Опыт сражений 1-й четверти XVI в. наглядно демонстрировал, что лобовая атака что густых колонн пикинеров, что жандармов против укрепленных, оснащенных могущественной артиллерией и защищаемых стрелками позиций слишком опасна и ведет к огромным, бессмысленным потерям. Безусловно, на первый взгляд может показаться, что пикинеры главенствовали на поле боя. Если взять любое крупное сражение 1-го периода Итальянских войн, то мы видим, что каждый раз, что при Равенне и Новаре в 1513-м, что при Мариньяно в 1515-м или Бикокке в 1522 г. и даже при Павии в 1525 г., – каждый раз исход сражения решали все же действия сомкнутых колонн пикинеров. В результате может сложиться впечатление, что глубокие и массивные колонны пикинеров, будь то швейцарцы или ландскнехты, стали теперь основой боевого порядка. Однако представлявшие хорошую цель для неприятельской артиллерии и стрелков, вооруженных аркебузами и мушкетами, сплоченные массы пикинеров несли слишком большой урон. Расстроенная же «баталия» уже не могла использовать свое главное преимущество – таранный удар массы людей. Именно это стало причиной неудачи наступления классической швейцарской «баталии» 27 апреля 1522 г. в сражении при Бикокке. Бурно атаковавшие в своей излюбленной манере, горцы все-таки преодолели ценой больших потерь от огня вражеской артиллерии и аркебузирова пространство, отделявшее их от неприятельских ландскнехтов, но для того, чтобы опрокинуть врага, напора им уже не хватило.

Это же может быть отнесено и к коннице. Так, если неудачу французских жандармов в 1503 г. можно было списать на ров, то в 1524 г. под Сесией те же жандармы, пытавшиеся в одиночку рассеять преследовавших отходящую французскую армию имперских аркебузирова, были основательно последними потрепаны. В следующем году испанские мушкетеры и аркебузиры, по отзыву современника, сожалевшего о судьбе блестящего французского рыцарства, «бесславное стадо пехотинцев» (выделено нами. – П.В.)¹¹¹, под Павией в беспорядочной стычке перестреляли французских *gens d'armes*, способствовал в немалой степени выигрышу этого сражения имперцами. Испанская конница, в свою очередь, потерпела жестокое поражение в 1512 г. под Равенной, когда, не выдержав прицельного огня французской артиллерии, попыталась атаковать неприятеля без поддержки собственной артиллерии и пехоты.

Одним словом, опыт показывал, с одной стороны, что баталии пикинеров, расстроенные огнем артиллерии и аркебузирова, были уязвимы для атак жандармов, которые сами по себе вряд ли отважились бы атаковать сомкнутые, ошетилившиеся пиками квадраты швейцарцев или ландскнехтов. Нет, конечно, теоретически жандармы могли проломить колонну тяжелой пехоты и устроить ее избиение, но только ценой больших собственных потерь. Но были ли они, наследники классического средневекового рыцарства, расходным материалом? Точно так же самостоятельные атаки жандармов были чреватые неудачей и большими потерями, которые в глазах тогдашних полководцев явно не оправдывали полученный результат, пусть даже и положительный. В общем, опыт сражений конца XV – начала XVI в. не мог не навести западноевропейских военачальников на мысль усовершенствовать прежнюю тактику таким образом, что в ней удачно сочетались бы сильные и слабые стороны 4 ставших основными родов войск – пикинеров, аркебузирова (сменивших прежних лучников и арбалетчиков), жандармов и артиллерии.

Эта новая и в то же время старая военная машина (в том смысле, что элементы нового, а именно артиллерия и стрелки из аркебуз и мушкетов, выглядели в ней вкраплениями в старую ткань) представляла первую и довольно удачную для своего времени попытку разрешить возникшие в связи с внедрением в повседневную практику огнестрельного оружия проблемы сочетания огня и удара. Правда, отметим, что, по нашему мнению, баланс в этом единстве все равно оказывался смещенным в сторону тяжелой пехоты и удара.

Но военное дело не стоит на месте, и недаром военные того времени, вне зависимости от того, под чьими знаменами они сражались, сетовали на то, что перемены происходят

слишком быстро, чтобы успевать к ним приспособливаться. Не успела ренессансная военная система окончательно оформиться и продемонстрировать свои несомненные достоинства (в самом деле, кто мог рассчитывать успешно противостоять натиску жандармов и батальев пикинеров, чьи атаки подготавливались огнем аркебузирова и артиллерии?), как выяснилось, что у нее есть и недостатки, и достаточно серьезные.

Ренессансная военная машина неожиданно оказалась слишком узкоспециализированной, нацеленной на ведение «большой» войны и победу в генеральном сражении. Однако война вдруг оказалась несколько более сложной штукой, чем могли предположить военачальники противоборствующих сторон. С одной стороны, все большее значение стала приобретать «малая» война, блестящие образцы которой показали все тот же Кордоба и итальянские кондотьеры, сражавшиеся как на стороне французов, так и их противников. С другой же стороны, 1-я половина XVI в. стала временем стремительного распространения по Европе новой фортификационной системы с характерным названием *trace italienne*, «итальянский след». Против новой артиллерии прежние средневековые крепости и замки с их высокими, но относительно тонкими каменными и кирпичными стенами и башнями оказались слишком неустойчивыми. Европа была поражена той скоростью, с какой в 1494 г. французский король Карл VIII брал итальянские средневековые крепости. Как видно из названия, новая система фортификации родилась в Италии, славившейся в то время своими инженерами и механиками. Ее родоначальниками считаются флорентийские архитекторы, фортификаторы и инженеры из семейства Сангалло – Джулиано да Сангалло, его брат Антонио да Сангалло Старший и племянник Антонио да Сангалло Младший¹¹². Правда, не все историки полагают, что сама идея создания новой системы фортификации родилась именно в Италии. Так, известный французский специалист по истории военного дела европейского Средневековья Ф. Контамин, не сомневаясь в том, что классический бастион и бастионный фронт крепостной ограды появились в Италии, тем не менее приводит примеры постройки фортификационных сооружений, которые могут быть названы «бастионами до появления самого понятия»¹¹³. Точно так же Дж. Хэйл полагал, что сама идея бастиона вряд ли может быть приписана какому-то одному инженеру, поскольку она прошла долгий путь развития с середины XV в. до 30-х гг. XVI в.¹¹⁴, когда кристаллизация новой системы в целом была завершена (запомним последнюю дату – она весьма важна. – П.В.). Но в общем, вопрос о приоритете не настолько важен, так как идея коренного преобразования принципов фортификации витала в воздухе, и рано или поздно, в Италии ли, в Германии или же во Франции, кто-то должен был придать этой идее материальные очертания: «... Примерно в одно и то же время в разных, подчас далеких друг от друга, странах несколькими анонимным мастерам, строителям или известным архитекторам пришло на ум сделать из **крепости не инертную, пассивную массу, а место динамичной обороны, которое обеспечило возможность при удобном случае перейти к контратаке** (выделено нами. – П.В.) ...»¹¹⁵.

Главным отличием изобретенной ими системы от прежней средневековой стала замена обычных для прежних времен высоких и относительно тонких крепостных башен и стен низкими, но мощными бастионами и валами, позволявшими подвергнуть штурмующего вал или бастион противника перекрестному обстрелу¹¹⁶. Для лучшего противостояния огню осадной артиллерии они возводились из земли с последующей облицовкой камнем или кирпичом. Генеральным направлением развития *trace italienne* в последующие десятилетия было создание такого начертания бастионного фронта, который был бы практически неуязвим для неприятельского штурма, даже поддержанного сильной осадной артиллерией. К середине XVI в. эта цель в значительной степени была достигнута, и густая сеть крепостей и городов, построенных заново или модернизированных согласно принципам *trace italienne*, сначала распространилась по Италии. Так, согласно новой системе в 1515 г. была заново укреплена Чивитавеккия,

в 1534 г. Флоренция, Анкона и Генуя в 1536–1538 гг. Из Италии новая система фортификации постепенно расплозлась практически по всей Западной Европе¹¹⁷. Правда, как отмечал тот же Дж. Хэйл, до «правильных», «регулярных» крепостей, выполненных в полном соответствии с требованиями *trace italienne*, было еще далеко¹¹⁸. Причиной тому была чрезвычайная (по тем временам) дороговизна новых крепостей. Поэтому обычно инженеры, модернизируя старые городские укрепления, зачастую были вынуждены приравниваться к старым фортификационным сооружениям, возведенным в прежние времена. Однако новая система фортификации внесла свой значительный вклад в подготовку перехода ко второй, решающей стадии военной революции. Как отмечал Ф. Бродель, ее развитие и совершенствование привели к тому, что уже в конце Итальянских войн наступило время, когда «...не то чтобы города нельзя было уже брать внезапной атакой, как, скажем, Дюрен в 1544 г., Кале в 1558 г. или Амьен в 1596 г., но уже как бы предчувствовался реванш крепости, наступление эпохи научно разработанной тактики осады и обороны...»¹¹⁹. Резко усилившаяся сопротивляемость крепостей и городов, возведенных заново или перестроенных в согласии с принципами *trace italienne*, неизбежно должна была повлиять на способы и методы ведения войны.

Не менее серьезные перемены тем временем происходили в это время с прежней «царицей полей», «богатым войском» – с блестящей конницей позднего Средневековья. В 1-й половине XVI в. западноевропейская конница переживала сложные времена, с трудом найдя себе место в сражениях, где господствовали колонны пикинеров, поддерживаемые огнем аркебузиром и артиллерии. Однако в ходе войны европейские военачальники четко осознали, что, во-первых, задачи конницы значительно более разнообразны, чем только ставшие к тому времени классическими атаки в сомкнутом строю. Оказалось, что конница полезна не только в «большой», но и в «малой» войне, в разведке, поисках, стычках и пр. Для такой войны прежняя «ордонансовая» конница была непригодна в силу своей слишком узкой специализации, тяжести и, что было едва ли не самым главным, дороговизны. Последняя же неизбежно вела к тому, что тех самых жандармов было слишком мало, чтобы использовать их на посылах для выполнения несвойственных им функций. Развитию же легкой конницы типа венецианских *страдаиотов*, испанских *джинетов* или французских *аргулетов*, уделялось недостаточное внимание. И снова она была слишком узкоспециализированной. Возникла необходимость в более легкой, относительно дешевой и вместе с тем достаточно универсальной коннице, способной более или менее успешно действовать как на поле боя, так и за его пределами.

Обойтись без конницы было невозможно, и западноевропейские военачальники и теоретики искали выход из создавшейся кризисной ситуации. И хотя разрешить проблему до конца не удалось, тем не менее путь выхода наметился, и достаточно четко. Суть его Г. Дельбрюк выразил четко и недвусмысленно – «...рыцарство превращалось в кавалерию»¹²⁰. На первых порах была сделана попытка изменить организацию прежних «ордонансовых рот». Как отмечал Г. Дельбрюк, в эпоху Итальянских войн «...мы гораздо чаще можем наблюдать, как каждый из трех родов войск (имелись в виду жандармы, кутилье и конные стрелки, лучники или арбалетчики. – **П.В.**) объединяется сам по себе и сражается самостоятельно...»¹²¹. Затем меняются боевые порядки конницы, и прежде всего жандармов. Сперва имперцы и испанцы, а затем и французы в 40–50-х гг. XVI в., на завершающем этапе Итальянских войн и во время Шмалькальденской войны стали сводить своих жандармов в «эскадроны», действовавшие в сомкнутом строю глубиной от 10 до 17 шеренг. Наконец, свита *hommes d'armes* перевооружается постепенно на огнестрельное оружие (на первых порах укороченные аркебузы, а затем и на пистолеты).

Серьезным новшеством стало появление вооруженных пистолетами рейтаров (*reiters*) – этих конных ландскнехтов. Недостаточная эффективность прежней кавалерийской тактики в борьбе против пикинеров, проявившаяся в годы Итальянских войн, побудила европейских

кавалерийских командиров искать иные способы борьбы с ними. Выход, казалось, был найден в перевооружении конницы огнестрельным оружием и превращении ее в кавалерию, хорошо обученную, дисциплинированную силу, способную повиноваться приказам своего командира и совершать сложные маневры на поле боя. Необходимость повышения эффективности действий конницы на полях сражений привела к ее постепенной трансформации. «...Она переродилась, отказавшись от шока в пользу подвижности, совмещенной с огневой мощью. На первых порах всадники несли аркебузирова у себя за спиной. Затем с изобретением колесцового замка всадник получил возможность находиться в седле с уже заряженным огнестрельным оружием, и конница в течение короткого времени отказалась от «белого оружия», предпочтя ему пистолеты», – отмечал английский исследователь М. Ховард¹²². Конечно, историк несколько преувеличил степень отказа кавалеристов от традиционного «белого оружия», но то, что оно оказалось серьезно потеснено пистолетами, – это не вызывает сомнения. Так родились рейтары – первая настоящая кавалерия Европы со времен античности.

О времени и месте их первого появления на поле боя нет единого мнения. Во всяком случае, первые упоминания о них относятся ко времени Шмалькальденской войны 1546–1547 гг. Спустя 10 лет они уже представляли настолько серьезную силу, что французский король Генрих II поспешил набрать в предвидении новой кампании против испанцев их как можно больше для того, чтобы иметь перевес над Филиппом II, который в предыдущем году показал ему преимущества нового рода конницы. Примерно в это же время рейтары окончательно отказываются от применения копья и вооружаются исключительно 3–4 пистолетами и шпагами.

Невысокая эффективность и надежность пистолетов и порожденные этим обстоятельством особенности их боевого применения породили специфическую тактику действий рейтаров – *caracole*¹²³. Суть его заключалась в том, что построенные глубокой колонной всадники медленно сближались с неприятелем, после чего первая шеренга разряжала свои пистолеты по врагу в упор и возвращалась назад для перезарядки пистолетов. Первое его применение зафиксировано в источниках в декабре 1562 г. в сражении между гугенотами и католиками под Дрё. Принятие на вооружение *caracole* имело громаднейшее значение для истории конницы. Г. Дельбрюк совершенно справедливо замечал, что «...ротмистр, который довел свой эскадрон до того состояния, что он с точностью производит «караколе», очевидно, держит своих людей в руках и располагает действительно дисциплинированным отрядом. Ибо без большого старания и труда над каждым человеком, над каждой лошадью, без внимания и напряжения воли, без умения владеть оружием и навыка этого не добиться. Раз «караколе» с точно выполненным заездом и стрельбой – налицо, то налицо и тактическая единица, в которую вработался каждый рейтар как рядовой член ее, а глава и душа которой – вождь, ротмистр...»¹²⁴. И здесь в общем-то неважно, что *caracole*, и это вполне очевидно, имело ограниченное применение – они могли эффективно действовать только против таких же рейтаров с противной стороны и массы пикинеров. Важен был его дисциплинирующий эффект, превращавший массу индивидуальных бойцов в спаянную тактическую единицу, действующую как одно целое. С конницей произошло нечто подобное тому, что несколько ранее случилось с пехотой, – ставшая традиционной пара жандарм – пикинер оказалась дополнена аналогичной парой рейтар-аркебузир/мушкетер. При этом значимость последней пары теперь будет непрерывно возрастать по мере того, как изменялся сам характер войны, в которой все большую роль стала играть «малая» и осадная война. Характерна в этом плане эволюция испанской конницы. В 1573 г. герцог Альба имел в составе своей армии 35 рот кавалерии с 4780 всадниками, в том числе тяжеловооруженных жандармов около 3000. Спустя 6 лет король Филипп II указал, чтобы в ротах легкой кавалерии не менее 1/5 солдат были вооружены аркебузами (12 всадников из 60). В дальнейшем численность жандармерии падала столь стремительно, что к середине 90-х гг. XVI в. она стала чрезвычайно малочисленна и не играла серьезной роли в испанской армии.

Ей на смену пришла более легкая и универсальная кавалерия, делавшая упор на огневой бой. Большая часть 5,5 тыс. всадников 57 рот кавалерии Фландрской армии в 1594 г. была вооружена огнестрельным оружием¹²⁵.

Таким образом, стремительное развитие огнестрельного оружия, перевооружение им конницы и превращение ее постепенно в кавалерию, распространение новой системы фортификации, изменение самого характера войны – все это, вместе взятое, обозначило приближение конца глубоких и массивных колонн пикинеров классического, «швейцарского» образца. Их слишком узкая специализация, «заточенность» под «большую» войну, генеральное сражение мешали теперь их эффективному использованию. Тактику снова нужно было изменять с учетом новых реалий, появившихся в ходе Итальянских войн. Перед полководцами и военными теоретиками встал вопрос – как, в какой пропорции нужно сочетать пикинеров, аркебузир и мушкетеров с легкой конницей (типа французских *chevaux legers*-шеволежеров или испанских *herreruelos*), рейтарами и жандармами (постепенно вырождавшихся в кирасир¹²⁶), чтобы извлечь из этой комбинации максимальную пользу?

Пожалуй, первыми над этим задумались испанцы. Карл V в 1536 г издал так называемый Генуэзский ордонанс, которым в порядке эксперимента провел реформирование своей пехоты в Италии из прежних громоздких 5–6 или более тыс. «баталий» в более компактные формирования – *tercio*, численностью первоначально 2500–3000 солдат (10–12 рот по 250–300 солдат). Ранний *tercio* из 12 рот по 250 человек мог быть устроен следующим образом: 10 рот, состоявших из 11 офицеров, 219 пикинеров (пополам в латах и без них) и 20 мушкетеров, и 2 роты, включавших в себя 11 офицеров, 224 аркебузир и 15 мушкетеров. Итого в *tercio* было 2190 пикинеров, 448 аркебузир и 230 мушкетеров, не считая офицеров¹²⁷.

Опыт был признан удачным и в начале 60-х гг. был распространен на всю испанскую и имперскую пехоту, причем численность *tercio* к концу века еще более сократилась, составив 1500–1800, а реально, из-за боевых и небоевых потерь и дезертирства, нередко падало до 1000 и даже менее солдат. Если в 1573 г. 269 рот испанской пехоты насчитывали около 57,5 тыс. солдат, т. е. в среднем около 200 солдат в каждой, то в 1594 г. средняя численность роты в *tercio* упала до 100 солдат¹²⁸. Эта перемена, незначительная на первый взгляд, имела далеко идущие последствия. Прежняя ударная тактика конца XV в., когда восстановившийся было баланс между конницей, тяжелой и легкой пехотой снова сместился, но на этот раз в пользу тяжелой пехоты, шаг за шагом начала отходить на второй план. Пикинеры, действовавшие в глубоких квадратных построениях, пусть и не таких массивных, как ранее, по-прежнему оставались главной ударной силой *tercio*, но аркебузир и мушкетеры стали играть более значимую, чем ранее, роль. Как отмечал М. Робертс, оценивая значимость тактической реформы Карла V, писал, что «...*tercio* стал самым прославленным образцом превосходства пехоты в эпоху, когда пика была «королевой поля боя». 3-тысячный *tercio* с его окруженным по периметру шеренгами аркебузир массивным квадратом пикинеров и алебардьеров и четырьмя «рукавами» аркебузир по углам квадрата представлял первую серьезную попытку тактической комбинации огнестрельного оружия с пиками: стрельба аркебузир разрушала бы строй противника, открывая дорогу пикинерам, а пики создавали защитный вал или полый квадрат, за которым или внутри которого аркебузир могли достаточно быстро найти убежище...»¹²⁹.

Испано-имперские *tercio*, сохранившие достаточную ударную и серьезно нарастившие огневую мощь, почти на столетие установили свое господство на поле боя. Как писал испанский историк Ф. де Леон, для 1560-х гг. «...испанская тактика и организация вместе с итальянской фортификацией представляли высшее достижение военной революции на то время...»¹³⁰. Из сочетания ударной мощи глубоких, сомкнутых построений пикинеров, огневой мощи мушкетеров и подвижности рейтаров и кирасир, поддерживаемых артиллерией, окончательно сформировалась новая, назовем ее условно «испано-католической», военная школа. Она стала

модернизированным, доведенным до максимального совершенства вариантом ренессансной системы и окончательно заменила собой позднесредневековую, основанную на действиях нескольких массивных, средневековых по своей сути «баталий» пехотинцев, оснащенных древковым оружием, поддерживаемых огнем немногочисленной артиллерии и стрелков и классическими, с копьями наперевес, атаками жандармов.

Однако эта преємственность способствовала сохранению внутри этой блестящей внешне военной машины изъяна, который потом сыграет с ней недобрую шутку. Она все равно оставалась сориентированной на генеральные сражения, в которых решалась **главная задача – разгром неприятельской армии** (выделено нами. – П.В.). Только в чистом поле армия, построенная и обученная действовать согласно принципам испано-католической военной системы, могла реализовать в полной мере свои преимущества и достоинства. Осадная и тем более малая война для нее не являлась основной, так как в этих условиях она не могла реализовать свои преимущества. Наступление – главный тактический прием армии, действовавшей в рамках этой системы. И хотя огнестрельное оружие стало играть более значительную, нежели в начале XVI в., роль, тем не менее основной ударной силой этой армии по-прежнему считались массивные, глубокие (хотя и несколько уменьшившиеся в сравнении с «баталиями» швейцарцев и ландскнехтов) формации пикинеров, вооруженных длинными, до 18 футов, пиками¹³¹. Мушкетеры, рейтары и артиллерия рассматривались как вспомогательное средство, обеспечивавшее атаку пикинеров.

В конечном итоге, как и всякий компромисс, испано-католическая военная школа лишь на время сумела снять остроту тактического кризиса. По мере приближения к концу XVI столетия недостатки *tercio*, бывшие обратной стороной ее достоинств, становились все более и более очевидными. «Большая масса *tercio* обеспечивала его инерцией, – отмечал М. Робертс, – чтобы сопротивляться, и импульсом в нападении (если мушкетеры не оказывались на его пути в момент столкновения); но оно слишком расточительно расходовало своих людей: если отбросить их вес, то внутренние шеренги и ряды *tercio* практически не участвовали в бою...». В итоге, делал вывод Робертс, «совмещение мушкета и пики в конечном итоге не привело к их плодотворному сотрудничеству, напротив, только ослабив их сильные стороны...»¹³². Пусть такая негативная оценка и покажется чрезмерно пристрастной и субъективной, тем не менее основные недостатки *tercio* были подмечены достаточно точно. До поры до времени их удавалось парировать за счет гибкой тактики тех же испанцев, генералы которых в эпоху расцвета испанской военной мощи умели мыслить нешаблонно и разнообразить тактические схемы в зависимости от ситуации, но рано или поздно эти недостатки должны были проявить себя в полный рост.

Отметим также, что тактический кризис коснулся также и кавалерии. Единственный маневренный род войск, он все больше и больше стал уделять внимание не классическим атакам с холодным оружием, а огневому бою с себе подобными. Конечно, после того, как неприятельская кавалерия оказывалась прогнанной с поля боя, вражеской пехоте становилось чрезвычайно трудно устоять против комбинированных атак жандармов, рейтаров и пикинеров, поддерживаемых огнем аркебузирова и артиллерии. Тем не менее бурные атаки остались в прошлом. Пожалуй, в Западной Европе последними отказались от применения атаки с копьями наперевес французы. После того как в 1604 г. маршал Г. Таванн запретил жандармским ротам использовать копьё, тяжеловооруженные конные копейщики, прославленные гусары, остались только в Речи Посполитой¹³³. Теперь кавалерия, действовавшая преимущественно в глубоких порядках, медленно надвигаясь на противника на дистанцию действительного выстрела (т. е. фактически в упор), только потом бросалась на него со шпагой в руке. Но насколько эффективной была такая тактика против решительного неприятеля, атаковавшего стремительно, не дожидаясь, пока рейтары или кирасиры разрядят свои пистолеты в упор? Во всяком

случае, опыт столкновений рейтаров и жандармов во время французских религиозных войн и на первых порах войны в Нидерландах показывал, что караколирующие рейтары чрезвычайно уязвимы, если неприятель внезапно решительно и быстро атакует их в момент перестроения.

Определенная нестыковка возникла и при наложении испано-католической школы на *tracce italiana*. Хотя *tercio* и было менее массивным и громоздким, нежели прежние классические «баталии» швейцарцев и ландскнехтов, тем не менее его пригодность для ведения осадной войны согласно новым правилам была несколько сомнительной (во всяком случае, в отношении многочисленных пикинеров). Уже последний этап Итальянских войн продемонстрировал, насколько сложно овладеть крепостью или городом, укрепленным согласно новому учению, и мы уже не видим такого количества больших полевых сражений, как на первых порах этого грандиозного конфликта. Оборона снова стала преобладать над наступлением, и смысл войн снова, как и в Средние века, оказался сведен к осаде и обороне крепостей. «Осады... стали главным событием в сухопутной войне после того, как бастионная система получила широкое распространение, – отмечал Дж. Паркер, – сражения стали редкими, и чаще всего они были связаны с осадами (к примеру, когда требовалось отразить попытку неприятеля снять ее) ...»¹³⁴. Война изменилась, приобрела новые (или хорошо забытые старые?) черты.

Военное искусство в известной степени зашло в тупик. И в тактике, и в стратегии на смену прежнему стремлению сокрушить неприятеля в непосредственной схватке пришло желание истощить его, взять измором – слишком хрупким был достигнутый тактический баланс между разными родами и видами войск, и малейшая ошибка неизбежно вела к сокрушительному поражению. Н. Макиавелли, предвидевший такой исход, произнес характерную фразу: «Лучше сокрушить неприятеля голодом, чем железом, ибо победа гораздо больше дается счастьем, чем мужеством... Хороший полководец никогда не решится на бой, если его не вынуждает необходимость или заманчивый случай...»¹³⁵. И в самом деле, история Итальянских войн знала примеры того, когда даже после выигранного сражения победитель оказывался в худшем положении, чем проигравший. Примером такого сражения могут служить победы французов при Равенне в 1513 г. и Черезоле в 1544 г. Филипп II в 1557 г. разбил армию Генриха II при Сен-Кантене, однако, не имея возможности выплатить жалованье своим войскам, был вынужден отказаться от развития успеха и разместить своих солдат по гарнизонам. Кажется, возвратились печальные времена бесконечной Столетней войны, взаимно опустошавшей и разорявшей обе враждующие стороны.

Тактический и стратегический тупик дополнился тупиком экономическим. Действительно, если нанимать контрактную армию на небольшой срок, то тяжесть расходов не была столь ощутима, но теперь, когда боевые действия стали затягиваться, когда выигранное сражение не вело к немедленному успеху и капитуляции неприятеля, расходы стали стремительно расти. Во весь рост встал вопрос: а способны ли позднеренессансные государства выдержать такую нагрузку? Ведь наемные армии стоили дорого, очень дорого. Регимент ландскнехтов из 10 рот (4000 бойцов) обходился нанимателю в месяц в 34 624 гульдена, а содержание одного испанского *tercio* в ходе только одной кампании в середине XVI в. стоило испанской казне до 1,2 млн. дукатов, включая сюда также расходы на транспорт и провиант. А солдат требовалось не просто много, а очень много. Так, согласно расчетам, приводимым британским историком Г. Кейменом, с 1521 по 1544 гг. император Карл V набрал 348 тыс. солдат – немцев, итальянцев, швейцарцев и испанцев¹³⁶.

Еще дороже обходилось строительство и содержание крепостей по новой системе. Новые укрепления стоили значительно дороже и требовали огромных затрат как материальных, так и людских ресурсов и для их обороны, и для осады и штурма. Так, каждый из 22 новых бастионов Амстердама обошелся голландцам в 2 млн. флоринов, модернизация Бервика-на-Твиде в 1558–1570 гг. обошлась казне Елизаветы I в 130 000 фунтов стерлингов; во время земляных

работ по возведению новых укреплений Амстердама было перемещено 170 000 м³ грунта и использовано 30 млн. кирпичей¹³⁷.

Но иного выхода у европейских монархов не было. Сама логика борьбы понуждала их и дальше наращивать свою военную мощь. Как справедливо замечал Г. Дельбрюк: «Как велики и богаты ресурсами ни были эти новые государственные образования (имелись в виду прежде всего Франция, Испания и Римская империя. – П.В.), однако в своих войнах они стремились превзойти друг друга и поэтому не только доходили до пределов своих ресурсов, но и переступали через них, ибо, как мы видели, увеличить число солдат было нетрудно, и лишь большое их число открывало путь к победе. Естественную границу численности войск должны были указывать пределы финансовых ресурсов государей, ведущих войну. Но если противник выходил за эти пределы в расчете на то, что такое напряжение сил должно дать ему победу и что победа пополнит его дефицит по выплате жалованья? Что тогда? Эта надежда с самого начала заставляла обе стороны выходить за пределы их ресурсов. Численность армий намного переросла нормальную численность средневековых войск не только в меру того, что теперь появились государи, которые могли их оплатить, но и гораздо выше того, что они могли оплатить. Ведь солдат можно было набрать достаточно **за задаточные деньги и за посулы будущей оплаты** (выделено нами. – П.В.)...»¹³⁸.

Но способность не только поддерживать, но и постоянно увеличивать свой военный потенциал напрямую зависела от состояния экономики страны, втянувшейся в гонку вооружений. Поэтому имеет смысл коснуться, хотя бы отчасти, экономической, а точнее, финансовой составляющей военной революции как одного из важнейших условий ее осуществления. Итак, для содержания наемных армий нужны были деньги, деньги и еще раз деньги, и «золотые» и «серебряные» «солдаты» значили порой даже больше, чем реальные живые. «*Point d'argent, point de Suisse*» («Нет денег – нет швейцарцев!») – так гласила популярная поговорка того времени. Но где взять эти деньги, чтобы заполучить в свое распоряжение пресловутых швейцарцев или ландскнехтов? Ф. Таллетт отмечал в этой связи, что начиная с середины XV в. ведущие европейские державы, и прежде всего Испания и Франция, испытывают «революцию финансов монархов». Суть ее заключалась в реформировании налоговой системы и установлении определенного порядка более или менее постоянных налоговых поступлений в королевскую казну. Этим и объясняется доминирование Испании и Франции во внешней политике и в войнах конца XV – 1-й половины XVI в. Эти страны раньше других вступили на путь формирования нового государства, государства Нового времени с его более жесткой, централизованной политической системой. Имея в своем распоряжении значительно большие по сравнению с прежними временами финансовые ресурсы, Валуа и Габсбурги вступили в ожесточенное противоборство друг с другом за гегемонию в Европе, поднимая ставки в игре все выше и выше.

Тем не менее, хотя сложившаяся к тому времени система государственного управления во Франции и Испании и была, безусловно, намного эффективнее, чем та, которой могли воспользоваться, к примеру, Эдуард III или Филипп VI, однако механизмы мобилизации внутренних ресурсов государства оказались недостаточно эффективными, чтобы поддержать набранный на рубеже XV–XVI вв. темп гонки вооружений¹³⁹. Естественно, что самым простым способом пополнить казну было заполучить в свое исключительное владение источники драгоценных металлов, обеспечив тем самым себя возможностью чеканки золотой и серебряной монеты в необходимых количествах, т. е., образно говоря, опереться на «внешние» источники поступлений денег.

Пример Испании и Римской империи в этом отношении является самым показательным. В XVI в. германские императоры и испанские короли были самыми богатыми из европейских монархов. Как отмечал Ж. Делюмо, в середине XV в. кризис добычи драгоценных металлов в Европе, прежде всего серебра, стал постепенно преодолеваться благодаря целой серии серьез-

ных усовершенствований в технике ведения горных работ и выплавки серебра из серебряносодержащих руд в Центральной Европе. В итоге Карл V, король Испании и германский император, получил в свое распоряжение значительные средства для ведения активной внешней политики «другими средствами». Еще бы! Ведь, по самым скромным подсчетам, к 1550 г. в Европе масса обращавшихся драгоценных металлов превышала ту, что была в 1492 г., в 12 раз, поэтому, как указывал французский историк, «...европейский расцвет в эпоху Дюрера (1471–1528), Рафаэля (1483–1520), Лютера (1483–1546) и Цвингли (1484–1531) был, следовательно, в большей степени обусловлен не американскими сокровищами, а серебром Центральной Европы... Наибольшая производительность большинства этих рудников относится к периоду между 1515 и 1540 гг.»¹⁴⁰. А эти рудники находились в его распоряжении!

В середине XVI в. начался спад добычи серебра в Европе, и именно Карл первым почувствовал это, когда его империя, в пределах которой никогда не заходило солнце, столкнулась с ростом бюджетного дефицита, достигшего к концу 50-х гг. 15 млн. дукатов¹⁴¹. Это привело к первому банкротству испанской короны и ускорило в известной степени завершение Итальянских войн. Воевать ни Филиппу II, ни тем более Генриху II французскому, у которого не было саксонских и чешских серебряных рудников и который годом позже испанского короля, в 1558 г., объявил о своем банкротстве, было больше не на что. Поэтому, если во время 1-й фазы Итальянских войн нередко были армии, превышавшие по численности 20 тыс. чел. (например, в апреле 1511 г. под Равенной французы имели около 23 тыс. солдат, при Мариньяно спустя два с половиной года французская армия насчитывала около 30 тыс. солдат, столько же они имели в 1522 г. под Бикоккой), то на последнем этапе они редко превышали 10–15 тыс. солдат. Под Черезолой в апреле 1544 г. армия французского полководца принца Энгиенского насчитывала всего лишь 12 тыс. солдат, а его противника, имперского военачальника Дель Гуасто, немногим больше. «Поражает незавершенный характер конфликтов 1540-х и 1550-х гг., который, впрочем, объясним с учетом незначительности одержанных побед и огромного нежелания развивать успех – что означало бы с новой силой комплектовать, снаряжать и защищать свои гарнизоны», – отмечал Р. Маккенни¹⁴². Развитие успеха требовало денег, а их-то как раз и не хватало.

Однако как раз к этому времени подоспело начало активной эксплуатации богатейших американских колоний. И если в 1-й половине века, когда конкистадоры попросту ограбили индейцев, Америка еще не стала основным источником серебра и золота, то во 2-й половине XVI столетия ситуация кардинально изменилась. Р. Маккенни приводит такие цифры: в среднем в 1-й половине XVI в. на шахтах Центральной Европы добывалось серебра около 90 тонн ежегодно, тогда как американское серебро не было известно вплоть до 1520-х гг. В следующем десятилетии начинается его ввоз, поначалу в небольших количествах, несравнимых с добычей в Европе, – всего около 85 тонн, однако начиная с 50-х гг. его поставки стремительно прогрессируют с 300 тонн до св. 1000 тонн в 70-х гг. и 2700 тонн в 90-х гг. И это не считая того серебра, которое попадало в Европу контрабандным путем или посредством пиратских рейдов!¹⁴³ Рудники Перу и Мексики дали в руки испанской короны неслыханные по тем временам средства. Так, только между 1573 и 1598 гг. испанский король Филипп II получил из своих американских колоний свыше 50 млн. дукатов. Всего же испанские колонии в Америке дали 3/4 от ввезенного в XVI в. в Европу общего объема драгоценных металлов¹⁴⁴.

Обладание такими источниками драгоценных металлов позволило испанским и германским Габсбургам иметь такие военные расходы, на какие не то что столетием – двумя раньше, но даже в 1-й половине XVI в. ни один монарх Европы решиться не мог. Так, если в 1546–1547 гг. во время Шмалькальденской войны Карл V тратил ежегодно на ведение войны с протестантскими германскими князьями по 2 млн. флоринов ежегодно, а в 1551–1556 гг. для ведения войны с французами он израсходовал на содержание армии во Фландрии 22 млн.

флоринов, то только содержание армии во Фландрии и ведение войны с мятежными голландцами в 90-х гг. XVI в. обходилось ежегодно Филиппу II испанскому не менее 9 млн. флоринов ежегодно¹⁴⁵. Содержание только средиземноморской эскадры и армии во Фландрии в 1571–1577 гг. обошлось Филиппу в 18 755 000 дукатов. Всего же расходы испанской короны на ведение войны с восставшими Нидерландами с 1566 по 1654 г. составили не менее 218 млн. дукатов – сумма, которая двумястами годами ранее для английского короля Эдуарда III и его французского оппонента Филиппа VI была просто невообразимой¹⁴⁶.

Однако ставка на внешние источники финансирования своих армий, равно как и попытка содержать их за счет населения территорий, на которых они квартировали (принцип «Война кормит войну», «*Bellum se ipsum aleat*»), оказались в конечном итоге несостоятельными. Военные расходы росли быстро, слишком быстро. «Общая тенденция в эти годы, – отмечал по этому поводу Дж. Паркер, – вызвавшая рост цен на сельскохозяйственные и промышленные товары, привела к росту расходов на содержание и экипировку солдат. Стоимость войны росла так быстро, что государства были не в силах выдерживать ее слишком долго. Война стала, говоря словами одного испанского генерала, «родом торговли, в которой победит тот, кто имеет больше денег», и в которой, согласно высказыванию другого генерала, «победит тот, кто не остановится перед использованием последнего эскудо»...»¹⁴⁷. Однако даже для Испании с ее колоссальными на первый взгляд ресурсами такое напряжение оказалось непосильной ношей. В качестве примера можно привести такие сведения: в 1574 г. доходы испанской короны составили 5 978 535 дукатов, тогда как расходы – 10 471 662 дуката (в том числе на содержание испанской армии в Нидерландах 3 737 229 дуката и на войну с турками еще 2 052 634 дуката – в сумме 5 789 863 дуката, почти весь доход казны). Таким образом, дефицит бюджета составил 4 493 127 дукатов. Естественно, что продержаться на плаву Испания могла только за счет внешних займов (например, тот же Карл V регулярно занимал деньги у семейства немецких банкиров Фуггеров), но как долго это могло продолжаться?¹⁴⁸ В итоге она просто надорвалась под непомерной тяжестью имперского величия, и испанская корона, неспособная и далее ее нести, неоднократно объявляет о своем банкротстве (в 1575, 1596, 1607, 1627 и 1647 гг.).

Таким образом, главная проблема, которая оказалась неразрешимой для средневековых монархов – содержание более или менее длительный промежуток времени достаточно крупных воинских формирований, вооруженных и подготовленных по последнему слову тогдашней военной техники, не нашла удовлетворительного решения и в XVI в. По существу, на исходе Средневековья прямая зависимость между военной мощью страны и уровнем ее экономического развития снова заявила о себе в полный голос. Отсутствие необходимых средств для ведения длительных, дорогостоящих кампаний и осад неизбежно вело к затягиванию военных конфликтов, которые развивались неравномерно – вспышки активных боевых действий перемежались временами затишья и перемириями, когда враждующие стороны накапливали необходимые материальные и финансовые средства для очередной кампании. До тех пор, пока этот вопрос не был бы разрешен удовлетворительным образом, вести речь о коренном перевороте было невозможно. Все благие начинания и идеи (а их было более чем достаточно, поскольку целый ряд античных авторов, прежде всего Вегетий, Фронтин и Юлий Цезарь, вовсе не были диковинкой в Европе XIV–XV вв.), столкнувшись с суровой реальностью, неизбежно разрушались. Казалось, время повернуло вспять, и все вернулось на двести лет назад, во времена Столетней войны.

Тупик, в котором оказалось военное дело Западной Европы к концу XVI столетия, стал ярким признаком того, что сложившаяся к этому времени военная традиция, опиравшаяся на соответствующие политические и экономические институты, исчерпала отведенный ей запас прочности. Развиваться «вширь» она уже не могла. Требовался переход к качественно иному уровню, т. е. требовалось совершить подлинный переворот, перейти к новому качеству, под-

няться на второй, самый главный этап военной революции. И выход из тупика со всей очевидностью нужно было искать прежде всего на пути совершенствования государственного аппарата и развития экономики, с тем чтобы изыскать необходимые ресурсы для завершения военной революции.

§ 3. Реформы Морица Оранского и Густава Адольфа. Рождение армии Нового времени

Если бросить взгляд назад, то нетрудно заметить, что в последней четверти XVI в. в вопросах развития военного дела впереди всех оказалась страна, обогнавшая все остальные государства Европы в экономическом развитии точно так же, как это сделали итальянцы в начале XV в. П. Шоню в присущей французской исторической школе изящной манере отмечал, что с конца XV в. «...центр тяжести Европы неуловимо перемещался по оси север – юг, слегка отклоненной к западу...», и что XVI в. стал последним, когда в Европе господствовало Средиземноморье. «Традиционная история подчиняется той же хронологии, что и история глобальная, двинувшаяся от внутреннего моря к богатым планктоном холодным морям севера... Классическая Европа – это еще и холодная Европа, под суровым оком грозного бога пури-тан и сокровенного бога янсенистов. Европа, покинувшая Средиземноморье...»¹⁴⁹. И Нидерланды включились в этот процесс постепенного перемещения экономического, политического и культурного центра Европы на север одними из первых, если не первыми. Оказавшиеся под властью Габсбургов в конце XV в., страны нынешнего Бенилюкса, и без того отличавшиеся высоким уровнем экономического развития, включенные в имперскую экономику, использовали представившийся им шанс.

К середине XVI в. этот регион, не имевший ни колоний, ни богатых природных ресурсов, не отличавшийся многолюдством, стал едва ли не главным экономическим и финансовым центром Северной и Центральной Европы. О размерах экономического потенциала Нидерландов можно судить по таким цифрам: к концу своего правления Карл V извлекал из «Низинных земель» только в качестве прямых налогов 2 млн. гульденов (аналог дуката) в год, и еще столько же уходило на развитие военной инфраструктуры, тогда как собственно Испания приносила в имперскую казну всего лишь 0,6 млн. дукатов¹⁵⁰. И это при том, что в 1500 г. население Испании составляло около 8 млн. чел., а Нидерландов – 1,9 млн. чел.¹⁵¹. По оценкам герцога Альбы, направленного наместником в Нидерланды, в 1570 г. промышленно-ремесленный потенциал Нидерландов составлял 50 млн. гульденов, еще столько же вращалось в аграрном секторе. Объем внутренней торговли в это же время колебался между 17 и 28 млн. гульденов, не говоря уже о размерах импортно-экспортных операций – в середине XVI в. они составляли порядка 36–38 млн. гульденов¹⁵². Так что введение предложенного Альбой 10%-ного налога с оборота (печально знаменитой *алькабалы*) должно было принести в испанскую казну не меньше 5 млн. гульденов ежегодно – больше, чем ввозилось в это время золота и серебра из Америки. И это при том, что, подчеркнем это еще раз, в Нидерландах не было ни золотых, ни серебряных рудников, и все эти успехи были достигнуты за счет исключительно развития банковского дела, торговли, промышленности и аграрного сектора, т. е. за счет использования преимущественно внутренних ресурсов. Очевидно, что в этом и заключался секрет того, что маленькие Нидерланды восстали против великой Испанской империи и после 80-летней борьбы сумели одержать верх, получив независимость (правда, не целиком, а лишь частично). Высокоразвитая по тем временам экономика Нидерландов обеспечила не только создание, но и содержание на протяжении всей войны с Испанией мощной армии и флота, силы которых оказалось достаточно, чтобы заставить испанскую корону в 1648 г. отказаться от намерения восстановить свою власть над Голландией – «Семью провинциями».

Голландский опыт попытался, и не без успеха, заимствовать шведский король Густав II Адольф. И снова Европа была поражена – маленькая Швеция, которую долго никто не воспринимал всерьез, оказалась способной нанести Римской империи ряд серьезнейших ударов и сыграла одну из ведущих ролей в Тридцатилетней войне. Эта война еще в большей степени,

чем войны XVI в., была войной прежде всего денежных ресурсов, «золотых солдат»¹⁵³. Предпринятые Густавом Адольфом меры по развитию шведской экономики позволили ему увеличить доходы шведской короны с 600 тыс. талеров в 1613 г. до 3,189 млн. талеров в 1632 г., создать целый ряд крупных мануфактур, обеспечивавших его армию высококачественным оружием и снаряжением. Вкупе с денежными субсидиями со стороны Франции (640 тыс. талеров ежегодно в начале 30-х гг. XVII в.) и «хлебной» субсидией со стороны России (перепродавая на амстердамской торговой бирже покупаемый в России задешево хлеб, Густав в то же время имел еще столько же талеров ежегодно, а в 1631 г. – даже 1,2 млн. талеров¹⁵⁴) это позволило «северному льву» провести успешную военную реформу, развернуть мощную армию и вмешаться в Тридцатилетнюю войну, переломив ее ход в пользу антигабсбургской коалиции. При этом необходимо иметь в виду, что Швеция была небольшой страной, в которой проживало в начале XVII в. всего лишь 1,25 млн. жителей. Естественно, что для того, чтобы играть более или менее существенную роль в европейской политике, нужна была большая армия, а сама Швеция дать ее никак не могла. Поэтому, вопреки общепринятому мнению, армия Густава Адольфа состояла главным образом из наемников – при Брейтенфельде «природных» шведов под знаменами «северного льва» было всего лишь 20,2 %, а при Люцене – 18 %, и дальше процесс сокращения шведского компонента в армии Швеции непрерывно продолжался на протяжении всей Тридцатилетней войны¹⁵⁵.

Пример голландцев и шведов оказался заразительным. К нему обратился министр французского короля Людовика XIV Ж.-Б. Кольбер, когда «король-солнце» поставил перед ним задачу изыскать средства для осуществления активной внешней политики. И Кольбер сумел справиться с этой проблемой. Действительно, трудно представить себе, что, например, Людовик XIV, не имевший, в отличие от Филиппа II, богатейших заморских колоний, встал бы на путь внешнеполитической экспансии и достижения французской гегемонии в Европе, если бы не активная деятельность Кольбера по развитию французской промышленности и торговли. Так, если во Франции в XV–XVI вв. возникло около 50 мануфактур, то благодаря неустанным трудам Кольбера в 60-х – начале 80-х гг. XVII в. их было создано более 300, в том числе 19 производивших оружие и 24 выпускавших корабельные снасти и материалы. Существенно, на 75–100 % между 1664 и 1686 гг. (по разным данным), вырос тоннаж французского торгового флота¹⁵⁶. В любом случае, рост военных расходов, к примеру, с 21,8 млн. ливров в 1662 г. до 46 млн. ливров в 1671 г. и до более чем 100 млн. ливров в 1679 г. был бы невозможен без последовательного осуществления Кольбером политики агрессивного, воинствующего протекционизма, меркантилизма и поощрения развития французской экономики¹⁵⁷. В определенном смысле модернизированная Кольбером французская экономика питала войну, а быстрая, победоносная война создавала благоприятные условия для развития экономики (именно быстрая и победоносная война, в противном случае страна становилась на грань экономического и финансового коллапса. – П.В.).

Предложенная Кольбером экономическая политика и тесно связанные с нею политическая и административная реформы, заключавшиеся в дальнейшем усилении королевской власти через завершение процесса централизации власти, сосредоточения всей ее полноты (хотя бы формально, де-юре) в руках короля и его чиновников в конце XVII – начале XVIII в., в той или иной степени были восприняты ведущими европейскими державами. «*L'état c'est moi*» («Государство – это я!») – эта знаменитая фраза, приписываемая «королю-солнце» Людовику XIV и под которой могли подписаться практически все монархи Нового времени (за редким исключением), наглядно демонстрирует расширение пределов королевской власти и могущества.

Таким образом, подведение во 2-й половине XVII в. более или менее прочного политического, экономического и финансового основания под военные структуры способствовало не

только сохранению четко обозначившейся в предыдущий период тенденции к росту армий. Более того, темпы роста серьезно изменились в сторону их увеличения. Об этом наглядно свидетельствуют данные следующей таблицы¹⁵⁸:

Таблица 3

Изменение численности ряда западноевропейских армий в последней четверти XV – конце XVI в.

Годы	Испания	Франция	Империя	Британия	Швеция	Голландия
1470-е	20	40	–	25	–	–
1550-е	150	50	–	20	–	–
1590-е	200	80	–	30	15	20
1630-е	300	150	–	–	45	50
1650-е	100	100	30	70	70	–
1670-е	70	120	50	–	63	110
1700-е	50	400	100	87	100	100

Этот рост заметен еще нагляднее, если обратиться к анализу динамики развития вооруженных сил отдельных государств. Пожалуй, самым ярким примером будет Франция, которая после завершения эпохи Столетней войны и завершения в целом процесса формирования единого государства активно включилась в борьбу за гегемонию в Европе с Габсбургами. Это потребовало от французской короны всемерного наращивания своего военного потенциала. Численный рост французской армии в позднем Средневековье – раннем Новом времени отражен в таблице 1¹⁵⁹.

Из таблицы 3 видно, что при сохранении общей тенденции роста численности солдат под королевскими знаменами время от времени происходило их сокращение, и порой весьма существенное. Это сокращение можно продемонстрировать на примере французской королевской армии времен религиозных войн 2-й половины XVI в. Если в конце 1562 г. королевская армия насчитывала 288 рот пехоты и кавалерии, что вместе с артиллерийской прислугой составляло почти 48,5 тыс. чел., то к началу 1568 г. она выросла до 451 роты и 72,2 тыс. солдат. После этого начался стремительный спад, и в конце 1575 г. 223 роты королевской армии насчитывали всего лишь 29,2 тыс. солдат¹⁶⁰. Испания в этом плане еще показательнее – после максимального напряжения сил в Тридцатилетней войне наступил период долгого спада, в результате которого Испания «выпала» из числа великих держав. Нетрудно заметить, что сокращение армий приходилось главным образом на периоды относительного внешнеполитического затишья или внутреннего кризиса, переживавшегося, к примеру, Испанией или Францией. Вполне естественным было и сокращение армии в периоды мира. В той же Франции после завершения Тридцатилетней войны численность армии со списочных 200 тыс. солдат была сокращена к началу 60-х гг. XVII в. до 72 тыс. После того как в годы войны с Голландией в 1672–1678 гг. она выросла почти до 280 тыс., сразу же вслед за заключением мира произошло новое сокращение более чем на треть, до 165 тыс. Однако при всех этих колебаниях в последней четверти XVII и на протяжении большей части XVIII в. численность французской армии никогда не падала ниже, чем 130–140 тыс. солдат и офицеров даже в мирное время¹⁶¹, т. е. практически столько, сколько имел в своем распоряжении Филипп II во времена пика своего могущества.

Таким образом, начиная с середины XVII в. численность европейских армий круто пошла вверх. Это практически сразу сказалось и на численности войск, сталкивавшихся на полях сражений, что показано в следующей таблице¹⁶²:

Таблица 4

Численность армий в сражениях XVII – начала XVIII вв.

Дата	Место сражения	Участники	Численность армий, тыс. чел.
1631	Брейтенфельд, Германия	шведы и саксонцы имперцы	41 31
1634	Нердлинген, Германия	шведы имперцы	23 31
1636	Виттшток, Германия	шведы имперцы	16–17 22–23
1644	Фрайбург, Германия	французы имперцы	17 17
1645	Янкау, Германия	шведы имперцы	15 15
1674	Сенефф, Бельгия	французы испанцы и голландцы	45 50
1693	Неервинден, Бельгия	французы англичане, голландцы и имперцы	80 70
1704	Гохштедт, Германия	французы англичане и имперцы	47 48
1709	Мальплаке, Бельгия	французы и баварцы имперцы, англичане, голландцы, пруссаки	95 110

В итоге, если в 1609 г. в армиях стран Центральной и Западной Европы находилось под ружьем около 300 тыс. солдат, то спустя 100 лет, на завершающем этапе войны за Испанское наследство, – уже 860 тыс.¹⁶³. Существенный рост численности армий, особенно во второй половине столетия, был связан с еще одной, чрезвычайно важной чертой военной революции – переходом от временно-контрактных армий к армиям постоянным, взятым целиком и полностью на содержание королевской казны и в основе своей не распускавшихся даже в мирное время.

Этому переходу способствовал целый ряд как объективных, так и субъективных обстоятельств. Об экономической составляющей уже говорилось выше – увеличение финансового и экономического потенциала позволило отказаться от прежней практики распускать армию после завершения кампании или войны. К тому же в XVI в. войны стали «доброй» традицией и практически не прекращались. Так, Франция в 1495–1559 гг. воевала 50 лет, в 1560–1610 гг. – 33 года, в 1611–1660 г. – 41 год, а в 1661–1715 гг. – 36 лет. Между 1480 и 1700 гг. Испания участвовала в 36 войнах, Римская империя – в 25, после 1610 г. Швеция и Империя воевали каждые 2 года из 3, а Испания – 3 из 4¹⁶⁴. В результате набранные один раз, наемные армии де-факто превращались в более или менее постоянные. При этом, как отмечал С.Е. Александров, «...краткосрочное подрядное наемничество конца XV – середины XVII в. выступало в качестве эрзаца постоянной армии, в его рамках отрабатывались механизмы, на базе которых позднее были сформированы сперва постоянные наемные войска, а затем и армии Новейшего времени»¹⁶⁵.

Переход к постоянным армиям имел как свои негативные, так и позитивные последствия. Сохранение и в мирное время значительных воинских контингентов на королевской службе позволило избежать повторения ужасов войны и в мирное время. Да, наемные солдаты, набираемые опытными «антрепренерами», были настоящими профессионалами, мастерами своего дела и, что самое главное, всегда готовыми к бою. Дж. Линн приводит такой характерный для того времени пример: французский король Франциск I готовился в 1544 г. отразить вторжение англичан с севера и испанцев с юга, он заключил соглашение с Швейцарской конфедерацией о поставке ему 16 тыс. пехотинцев. Договор был подписан в июле, а уже в конце августа 16 тыс. швейцарцев, полностью готовых к бою, уже сосредоточились в лагере под Шалоном¹⁶⁶.

Однако роспуск таких армий в «межсезонье», когда в их услугах не нуждались, неизбежно влек за собой обострение социальной напряженности. Наемники, как писал Макиавелли, не умели ничего другого, кроме как воевать, и заниматься мирным трудом они не имели никакой склонности. Имея же в руках оружие, они превращались в серьезную опасность для местных властей и населения. Занимаясь грабежами, убийствами и насилиями, солдаты, временно оставшиеся не у дел, подрывали с таким трудом наведенный властью порядок, спокойствие и внутренний мир. Печальный опыт такого рода уже имелся. Подобная ситуация, к примеру, сложилась во Франции на рубеже 50-х – 60-х гг. XIV в., а затем в начале 40-х гг. следующего столетия, когда в военных действиях между французским и английским королем наступила пауза и многочисленные наемники, оставшись без работы, занялись грабежами и разбоями¹⁶⁷. Нечто подобное повторилось спустя полторы сотни лет, когда после завершения Итальянских войн Франция оказалась ввергнута в пучину религиозных войн. Как отмечал Дж. Вуд, именно невозможность содержать сильную, многочисленную армию не только в военное, но и в мирное время обусловила чрезвычайно длительный и разрушительный характер французских религиозных войн конца XVI в.¹⁶⁸.

Создание постоянной армии, находившейся на полном казенном довольствии, позволяло снять еще одну серьезную опасность. Наемники, для которых война была ремеслом, несмотря на все предпринимаемые меры, сохраняли верность своему слову и своему нанимателю лишь до тех пор, пока получали деньги или же, в крайнем случае, надеялись на их получение. В противном случае их верность была более чем сомнительна, и никто не мог поручиться за то, что не получавшие обещанного жалованья или добычи солдаты не взбунтуются и не возьмут того, что им причиталось, силой¹⁶⁹. Пример испанской Фландрской армии, пожалуй, в этом плане самый показательный. Несмотря на то, что испанская казна расходовала на ее содержание огромные средства, однако постоянные задержки с выплатой жалованья привели к тому, что армия таяла, как весенний снег, от дезертирства и постоянно сотрясалась бунтами и мятежами солдат. Так, в ноябре 1576 г. испанская армия в Нидерландах насчитывала реально около 8 тыс. солдат вместо списочных 60 тыс. Порой дезертирство достигало огромных размеров – во время осады голландской крепости Берген-оп-Зом с июля по октябрь 1622 г. численность осадной испанской армии сократилась с 20,6 тыс. до 13,2 тыс. солдат – в основном из-за дезертирства¹⁷⁰. Что же касается солдатских мятежей, то между 1572 и 1576 гг. их было 5, а между 1589 и 1607 гг. – 37 (в каждом участвовало не менее 100 солдат). Особенно страшным был мятеж 1576 г., когда вышедшие из-под контроля своих командиров наемники опустошили южные Нидерланды и устроили погром в Антверпене, где было убито до 8 тыс. мирных горожан¹⁷¹.

Мятеж 1576 г. имел для испанского владычества в Нидерландах фатальные последствия – с этого момента все попытки восстановить порядок в восставших провинциях посредством переговоров, поиска некоего компромисса стали невозможны из-за роста антииспанских настроений. Наемная армия, которая к тому времени давно стала, по словам Дж. Паркера, «государством в государстве с собственными ритмами рождения и смерти, организмом с собственными признаками и мотивациями...»¹⁷², властно вмешалась в расчеты политиков и опрокинула их. Но иначе и быть не могло – многонациональные «банды» наемников объединяло и сплачивало только одно – чувство общности интересов, пресловутый *esprit de corps*, привязанность к своим капитанам и лишь в последнюю очередь верность присяге и религии¹⁷³.

Переход от армий, набираемых на контрактной основе на время, к армиям постоянным, полностью находящимся на содержании короны, позволял избежать всех этих опасностей. Такая армия уже больше не могла быть (во всяком случае, теоретически) игрушкой в руках честолюбивых «антрепренеров», способных создать серьезные проблемы для своих нанимателей. Не представляла она серьезной опасности и для внутренней стабильности государства и общества – власти старались, и не без успеха, с одной стороны, изолировать армию от обще-

ства, а с другой стороны, держать ее наготове на случай непредвиденных внутривосточных осложнений для подавления волнений и мятежей. Такая армия действительно становилась послушным орудием в руках короны, подлинным «*ultima ratio regis*», поскольку на смену множеству частных «антрепренеров» пришел в лице монарха один, «генеральный», выступавший одновременно и как «локатор», и как «кондуктор». Такая армия всегда была «под рукой», и не требовалось значительного времени для ее отмобилизации и приведения в боевую готовность – даже с чисто военной точки зрения она была удобнее и выгоднее, чем прежняя контрактная армия.

Однако для того, чтобы эта армия находилась в состоянии боеготовности и при этом не представляла угрозы подданным короля, необходимо было решить чрезвычайно важную и сложную задачу ее обеспечения оружием, снаряжением, провиантом и фуражом. С прежней контрактной армией в этом плане было проще хотя бы потому, что оружием же и амуницией контрактная армия снабжала себя в значительной степени сама¹⁷⁴. Провиант и фураж наемная армия добывала сама – в лучшем случае закупая его у местного населения, а чаще – просто занимаясь грабежами. Отнюдь не случайно римский император Фердинанд II в своей инструкции Альбрехту Валленштейну в 1625 г. указывал на необходимость поддержания в войсках строгой дисциплины, направленной в том числе и на предотвращение грабежей и мародерства со стороны солдат, в результате чего страна превращалась в пустыню¹⁷⁵. И это было не случайно – Германия после долгих лет мира и спокойствия впервые столкнулась с нравами наемной солдатни, одинаково грабившей и католиков, и протестантов, не делая различий между теми и другими. К примеру, протестантский генерал граф Э. Мансфельд для содержания своих войск в начале 20-х гг. XVII в. опустошал контрибуциями (и мародерством) территорию как католической (после поражения протестантов в 1620 г. при Белой Горе) Чехии, так и кальвинистского Пфальца.

Однако то, что подходило к относительно небольшим контрактным армиям, не могло быть применено к новым, значительно увеличившимся численно армиям, которые корона брала на полное казенное содержание. При этом ей приходилось решать чрезвычайно сложную проблему – ведь сохранение дисциплины и боеспособности войск напрямую зависело от их снабжения и своевременной выдачи денежного и прочего жалованья. Чтобы представить себе размеры проблемы, достаточно привести следующие цифры: армия в 60 тыс. солдат и офицеров потребляла ежедневно 45 тонн хлеба, более 40 тыс. галлонов пива, 2,3 тыс. коров – ежедневная норма выдачи провианта составляла на солдата в XVI–XVII вв. около 1 кг хлеба, 0,5 кг мяса, 2 литра пива; 20 тыс. лошадей, строевых и обозных, потребляли 90 квинталов фуража, а каждой лошади ежедневно требовалось не менее 6 галлонов воды¹⁷⁶. Помимо жалованья, провианта и фуража, армии нуждались также в значительно большем, чем ранее, количестве всевозможного снаряжения и оружия. К примеру, одна только партия боеприпасов, направленная в 1558 г. из Испании в североафриканскую крепость Ла Гулетта, включала в себя 200 центнеров свинца, 150 центнеров фитиля для аркебузов, 100 центнеров мелкозернистого пороха, 1000 корзин для земли и 1000 лопат на общую сумму 4665 дукатов без учета стоимости перевозки. Крайне дорогой в содержании была артиллерия. Так, только в 1554 г. на содержание артиллерийского парка в Нидерландах (50 орудий и к ним обоз с 4777 лошадьми и 575 повозками) в месяц испанская казна расходовала более 40 тыс. дукатов¹⁷⁷. 12 годами позже немецкий военный писатель Л. Фронспергер рассчитал, что артиллерийский парк из 130 орудий, в том числе 100 полевых, со всей прислужкой, лошадьми и повозками обойдется своему владельцу в 42 839 гульденов в месяц¹⁷⁸.

Прежние ремесленные мастерские уже не могли снабдить резко выросшие в числе армии необходимым оружием и снаряжением, и государство, которое не могло ждать, активно стало вмешиваться в экономику, способствуя ее развитию как посредством военных заказов, так

и созданием казенных мануфактур. Испанская корона, которая в связи с тем, что ей пришлось вести долгую, вошедшую в историю как «Восьмидесятилетняя», войну с восставшими Нидерландами, пожалуй, одна из первых, если не первая, задумалась над этой проблемой. Во всяком случае, за 20 лет, с 1570 по 1591 гг., производительность главных испанских оружейных мастерских в Гипускоа и Бискайе выросла на 50 %, и они были способны изготавливать ежегодно по 20 тыс. аркебуз и 3 тыс. мушкетов, не считая холодного оружия. В качестве примера можно также привести Францию, где Кольбер за годы своего пребывания у власти основал одних только металлургических и металлообрабатывающих мануфактур 10 и производящих оружие – 19, не считая занятых производством сукна, полотна, кож, чулок и пр., что также выпускали товары «двойного», как бы сейчас сказали, назначения¹⁷⁹. Даже изготовление такого, казалось бы, простого вида оружия, как пехотные пики, и то превратилось в настоящую индустрию, для чего требовалось организовывать сложное, централизованно управляемое хозяйство¹⁸⁰. Отечественный исследователь В.И. Павлов по этому поводу совершенно справедливо отмечал, что «...в европейских государствах эпохи генезиса капитализма система распределения оказывала прямое воздействие на производство посредством военных заказов позднефеодального абсолютистского государства. Они повлекли за собой создание достаточно стабильной сферы интендантского потребления. Только абсолютизм создает регулярную армию с однотипным вооружением и обмундированием, что позволяет наладить массовое производство стандартного холодного и огнестрельного оружия и боеприпасов определенных калибров. Тем самым на место искусников-оружейников, которые каждый раз следовали вкусам мастеров одиночного поединка, пришла капиталистическая мануфактура, выполнявшая массовые заказы интендантства. Соответственно с введением единой формы для солдат и офицеров армия стала крупным потребителем стандартных тканей и обуви. Таким образом гарантировался сбыт продукции капиталистических мануфактур. Важным стимулятором технического прогресса в мануфактурном производстве были заказы военно-морского флота...»¹⁸¹. В той же Франции в эпоху Кольбера военно-морской флот вырос настолько, что Франция вошла в тройку первых морских держав. Если в 1660 г. Франция имела боеготовых всего 12 кораблей (не считая галер Средиземноморской эскадры), то спустя 11 лет под флагом с королевскими лилиями плавало уже 194 корабля и фрегата общим тоннажем около 140 тыс. т. Практически только на нужды флота работали основанные Кольбером 24 мануфактуры, выпускавшие корабельное снаряжение, и смолокурни, не считая тех мануфактур, что выпускали оружие¹⁸².

Была и еще одна, назовем ее политической, проблема, разрешить которую было невозможно, не отказавшись от услуг капитанов-«антрепренеров». Как писал Дж. Линн, «...армия, вербованная посредством заключения контрактов с капитанами наемных «банд» и местными «грандами», состояла из наемников, не испытывавших особенных чувств к нанимателю, потому и сражалась она за него до тех пор, пока он оплачивал ее службу. Капитаны и «гранды» всегда готовы были повернуть оружие против нанимателя, а их солдаты – в равной степени как воевать за его интересы, так и, не получая оплаты, взбунтоваться против него, занявшись грабежом того, что они подрядились защищать...»¹⁸³. Примером того может служить судьба имперского военачальника А. Валленштейна. Пытаясь вести самостоятельную политическую интригу, он возбудил тем самым подозрения со стороны императора Фердинанда II, и, усомнившись в благонадежности своего генерала, император дал свое согласие на устранение ставшего ненадежным кондотьера¹⁸⁴.

Таким образом, потребности растущих армий стимулировали развитие экономики и в особенности промышленности и торговли, а с другой стороны, способствовали постепенному завершению процесса трансформации монархий времен Ренессанса в монархии Нового времени, для которых была характерна сильная центральная власть с развитым бюрократическим аппаратом, способная наладить бесперебойную систему снабжения вооруженных сил всем

необходимым. Испания первой вступила на этот путь при Карле V и Филиппе II. Созданный во 2-й половине XVI в. испанский бюрократический аппарат и интендантства совершили, говоря словами Ф. Броделя, подлинный подвиг, сумев, «...основываясь на своих крупных «распределительных портах» – Севилье, Кадисе (а позднее Лиссабоне), Малаге, Барселоне, – перемещать галеры, флоты и полки-*tercios* на всех морях и землях Европы...»¹⁸⁵. Создание такого аппарата, кстати говоря, во многом способствовало дальнейшему ускорению роста численности постоянных армий, так как теперь, в отличие от прежних времен, снабжение и управление резко увеличившимися армиями стало проще, чем прежними, относительно немногочисленными!

Частные лица, капитаны-«антрепренеры» и государства, размеры и ресурсы которых, а также устройство государственного аппарата не соответствовали новым требованиям, перед лицом столь стремительно растущих военных расходов были обречены на поражение и в конечном итоге на исчезновение. «Только богатые государства были способны выдержать баснословные издержки на войны нового образца», – справедливо указывал Ф. Бродель¹⁸⁶. Правда, этот процесс достаточно сильно растянулся во времени, и лишь после Тридцатилетней войны, на полях которой в последний раз встретились армии, набранные на контрактной основе, Европа изменилась, и изменилась самым серьезным образом. Немецкий историк К. Белох в 1900 г. писал, что в 1-й половине XVII в. только то государство, численность населения которого составляло не менее 17 млн. чел., могло претендовать на статус «великой державы»¹⁸⁷. При всей условности этого показателя в нем есть определенный смысл. Действительно, только три европейских государства в это время достигли этого уровня численности населения и соответствующего экономического потенциала – Испания, Римская империя и Франция, и именно за такими государствами было будущее. Время городов-республик, подобных Флоренции, Венеции или ганзейским городам, прошло безвозвратно, и даже Голландия и Британия пока еще не могли считаться действительно великими державами, действуя порознь.

Новые европейские монархии 2-й половины XVII в., родившиеся в огне конфликтов 2-й половины XVI – 1-й половины XVII в., с их стремящейся к абсолютной королевской властью, постоянной армией и полицией, разветвленным бюрократическим аппаратом, представляли собой намного более сильные структуры, нежели их предшественники. Это проявилось в их внешней политике, в том числе в той, что велась «другими средствами» – резко возросшие финансовые и материальные возможности создали необходимые условия для военного творчества и реализации самых смелых тактических и стратегических идей и проектов. Войны 2-й половины XVII – начала XVIII в. стали относительно более короткими, более напряженными, без длительных пауз в ходе боевых действий, вызванных необходимостью накопить финансовые, материальные и иные ресурсы, и враждующие стороны получили возможность преследовать в ходе военных кампаний намного более решительные цели. Это нашло свое отражение и в политике внутренней. Новые «...европейские государства монополизировали право иметь вооруженные силы не только в своих европейских владениях, но также в колониях, на суше и на море... Монополизация насилия была также частью процесса внутrigосударственного «умиротворения» и установления контроля над обществом...» – отмечал Дж. Блэк¹⁸⁸.

Параллельно с созданием необходимой экономической и финансовой базы, дальнейшей «концентрацией» власти в руках монархии, что являлось неременным условием для совершения качественного прорыва в развитии военного дела, европейские военные теоретики и практики усиленно работали над поисками выхода из создавшегося тактического и стратегического тупика. Нельзя сказать, что они во 2-й половине XVI в. не осознавали значимости и серьезности тех проблем, с которыми столкнулись по мере совершенствования огнестрельного оружия и тактики.

Изменившиеся условия войны неизбежно вели к дальнейшему падению значения пикинеров и жандармов и возрастанию роли мушкетеров и аркебузирова. Как справедливо отмечал

Г. Дельбрюк, «...крупные колонны, вооруженные длинными пиками, проявляли все свое значение лишь в больших сражениях. Если же не представлялось возможным или полководец не считал желательным добиваться в сражении решительного исхода и война сводилась к взаимному истощению и мелким предприятиям, как то: внезапным налетам, захвату замков, осадам и т. п., то огнестрельное оружие оказывалось нужнее и пригоднее, чем длинная пика. Наряду с использованием стрелков расширялось поле деятельности легких рейтаров...»¹⁸⁹. Прогресс огнестрельного оружия еще более снижал значение пикинеров. Ведь для того, чтобы они не были легкоуязвимой мишенью, их колонны стали постепенно уменьшаться в размерах. Небольшая же колонна пикинеров уже не имела необходимой ударной мощи, как массивные «квадраты» швейцарцев или ландскнехтов начала XVI в.

Вместе с тем без мушкетеров и аркебузирова пикинеры становились порой попросту бессильны против неприятеля – хотя бы тех же самых рейтаров-пистольеров, способных опустошить каре пикинеров, не вступая с ними в чреватый большими потерями рукопашный бой. Герцог де Гиз, один из вождей Католической лиги во время религиозных войн во Франции во 2-й половине XVI в., в одном из разговоров произнес весьма характерную фразу: «Чтобы победить рейтаров, надо иметь порядочный отряд хороших мушкетеров и аркебузирова... вот тот соус, которым им отбивают аппетит...»¹⁹⁰. В итоге в пехоте мушкетеры и аркебузирова, а в кавалерии рейтары выходили на первый план. Если ранее, как уже отмечалось выше, они играли по отношению к пикинерам и жандармам вспомогательную роль, то теперь все чаще и чаще действовали на поле боя или самостоятельно, или же подкрепляемые теми же пикинерами. В итоге соотношение стрелков и пикинеров стало изменяться, и не в пользу последних, о чем свидетельствуют данные следующей таблицы.

Таблица 5

Изменение соотношения (в %) численности пехоты, вооруженной разными видами оружия, в западноевропейских армиях XVI в.¹⁹¹

Год	Род пехоты, в %				
	пикинеры	алебардьеры	аркебузирова	мушкетеры	жандармеры
1519, идеальная армия Н. Макиавелли	33	—	17	—	50
1548 г., венецианская армия	60	10	30	—	—
Конец 60-х гг., испанская армия в Нидерландах	50		50		—
1571—1572 гг., английская армия	40	6	34	20	—
1576 г., ландскнехты Максимилиана II	60		40		—
Конец XVI в., французская армия	50	—	—	50	—
Конец XVI в., испанская армия	30	10	35	25	—
90-е гг. XVI в., голландская армия	37,8	—	37	25,2	—

Таким образом, во 2-й половине XVI в. осознание того, что мушкетеры и аркебузирова должны играть на поле боя более значительную и самостоятельную роль, постепенно закрепляется в сознании западноевропейских военных теоретиков и практиков. Главным препятствием на пути превращения мушкетеров в вполне самостоятельный род пехоты оставалось относительное несовершенство фитильных аркебуз и мушкетов, прежде всего медленность заряжания и связанный с нею невысокий темп стрельбы и в особенности невысокая меткость. На коротких дистанциях аркебуза давала в среднем 50 % попаданий, а мушкетер – около 80 %, но с ростом дистанции меткость стрельбы падала в геометрической прогрессии. Низкая скорострельность (в конце XVI – начале XVII в. для заряжания фитильного мушкета требовалось

осуществить 28 операций, на что уходило не меньше минуты) также серьезно ограничивала потенциал вооруженной исключительно ручным огнестрельным оружием пехоты¹⁹². В этих условиях бой выигрывал тот, кто сумеет вывести на поле битвы больше мушкетеров и задействует в одном залпе максимальное их число. И снова здесь возникают аналогии с прошлым. Секрет успеха английской тактики времен Столетней войны заключался прежде всего в том, что английские военачальники впервые в истории средневекового европейского военного дела стали использовать лучников массированно, выставляя на поле боя тысячи и тысячи стрелков. Не случайно Ф. де Коммин, имея возможность наблюдать за действиями лучников в бою, отмечал: «По моему мнению, в бою лучники являются решающей силой, **когда их очень много, когда же их мало, они ничего не стоят** (выделено нами. – П.В.)»¹⁹³.

Перед европейскими тактиками во весь рост встал ряд первостепенных по важности задач. Во-первых, как повысить эффективность огня стрелков и как организовать их таким образом, чтобы дать возможность участвовать в залпе возможно большему их количеству. Логическим следствием стало сокращение численности *tercio* для обеспечения его лучшей управляемости и маневренности и уменьшение глубины его боевого построения боевого порядка. Во-вторых, в новых условиях огромное значение приобретала дисциплина огня, выработать которую можно было только длительным и тщательным обучением как солдат, так и офицеров. Выдержка, дисциплина ведения огня, глазомер (умение правильно определить дистанцию залпа, на которой неприятель понес бы наибольшие потери и был бы вынужден отказаться от продолжения атаки) приобретали все большую и большую важность. Фактический переход от временно-контрактных армий к армиям постоянным, явочным порядком состоявшийся в конце XVI в., должен был облегчить разрешение этой проблемы.

Таким образом, идея революции в тактике через замену, условно говоря, ударной колонной тактики на линейную оборонительную буквально витала в воздухе. Пикинеры явно утрачивали прежнее доминирование на поле боя, и кто-то рано или поздно должен был принять действительно революционное решение, переворачивающее все прежние представления о тактике – отказаться решать исход схватки в ближнем бою и отдать первенство дистанционному поражению неприятеля. Не столкновение в рукопашном бою масс пехоты и конницы должно было принести победу, а сосредоточенный, массированный огонь мушкетеров и артиллерии. Пары пикинеры-жандармы и мушкетеры-рейтары, образно говоря, должны были поменяться теперь ролями.

Реализация этой идеи на практике была лишь вопросом времени, и очень скорого. Теоретически испанцы должны были первыми сделать этот переход. И, казалось, к концу XVI в. они встали на этот путь. Так, в 1570 г. Доменико Моро предложил сократить число пикинеров до 1/3, а также принять такой боевой порядок, когда мушкетеры и пикинеры выстраивались бы на поле боя самостоятельными подразделениями **глубиной в 6 шеренг** (выделено нами. – П.В.). По существу, идея, высказанная Моро, носила революционный характер. Тактика приобретала вместо прежнего активного характера пассивный. На смену прежним средневековым глубоким колоннам-«баталиям» пикинеров, которые своим таранным ударом и натиском тесно сплоченной массы людей прорывали неприятельский фронт, должны были прийти носившие ярко выраженный оборонительный характер построения. Исход же сражения решался бы не рукопашным единоборством бойцов, вооруженных холодным оружием, как в старое доброе Средневековье, а массированным огнем мушкетеров и аркебузирова.

Уловив эти тенденции, испанские военачальники, как уже было отмечено выше, к концу XVI в. явочным порядком уменьшили численность *tercio* с первоначальных 3 тыс. солдат до 1,5–1,8 тыс., а то и менее, одновременно увеличив в его составе долю стрелков. Это неизбежно вело к изменению самого боевого построения. Каре пикинеров уменьшилось, а «рукава», составленные из мушкетеров, напротив, выросли в размерах, в отдельных же случаях тыл *tercio* уже не прикрывался стрелками. Пика постепенно превращалась из наступательного оружия в

оборонительное. Кому как не испанцам, с их ресурсами и опытом, можно и нужно было сделать последний, решающий шаг и осуществить переворот в тактике.

Однако нет пророка в своем отечестве. Сократив еще во время Итальянских войн численность прежних массивных и громоздких, но слишком уязвимых батальев пикинеров и впервые успешно использовав на полях сражений большое количество аркебузирова и мушкетеров, испанские генералы не смогли завершить начатый поворот. Загипнотизированные успешными действиями своей отменной пехоты, сведенной в *tercio*, они практически до середины XVII в. продолжали придерживаться старой тактики, которая к тому времени уже все меньше и меньше отвечала требованиям времени. В конечном итоге этот консерватизм вкупе с экономическими, финансовыми и политическими проблемами погубил и славу испанского оружия, и могущество Испании.

Следующий подход к тактической революции сделали французы. Во время ожесточенных религиозных войн во 2-й половине XVI в. во Франции элементы новой тактики активно использовались гугенотами и католиками (особенно первыми). Дж. Линн, анализируя развитие военного дела во Франции в конце XVI в., во время этих войн, отмечал, что Генрих Бурбон, будущий король Генрих IV, талантливый военачальник и практик, провел ряд реформ в своей армии. Так, по его требованию гугенотская кавалерия отказалась от использования «чистого» *caracole* и, построившись на поле боя в 6 шеренг (! – П.В.), использовала огнестрельное оружие только для подготовки последнего броска на больших аллюрах со шпагами наголо. Кроме того, Генрих неоднократно смешивал кавалерийские эскадроны и роты мушкетеров, оказывавших тактическую поддержку друг другу на поле боя. Значительно большее, чем у его оппонентов, внимание Генрих уделял действиям мушкетеров. В его армии пикинеры, хотя и составляли значительную часть пехоты, уже не играли существенной роли. Во всяком случае, исход трех важнейших сражений, данных Генрихом в октябре 1587 г. при Кутрасе, в сентябре 1589 г. при Арке и в марте 1590 г. при Иври, решил слаженные действия Генриховой кавалерии, аркебузирова и артиллерии. Католики, сражавшиеся по правилам испано-католической военной системы, не смогли противопоставить гибкой тактике Генриха ничего сколь-нибудь равноценного. «К 1600 году, – отмечал Дж. Линн, – французская армия использовала примерно ту же тактику, что и Густав Адольф четверть века спустя...»¹⁹⁴.

Однако, в отличие от голландца Морица Нассауского, о котором речь еще впереди, Генрих не был теоретиком. Отличный тактик, у которого суворовский «глазомер» явно преобладал над абстрактным мышлением, Генрих так и не смог стать «ученым-солдатом», не сумел создать собственную военную школу. Будучи прекрасным практиком, интуитивно обозначив путь к выходу из тактического тупика, Генрих не смог довести дело до логического завершения, оформив свои тактические изыскания в форме теории. Однако у него остались ученики и последователи, которые довели начатое им дело до конца.

Подводя общий итог развития западноевропейской военной мысли и практики к концу XVI в., можно с уверенностью сказать, что критическая масса уже была налицо. Тактические идеи, воплощенные в жизнь Морицем Нассауским, уже не были в Европе чем-то необычным и неслыханным. Как отмечал Ф. Таллетт, «...знания о новом оружии, муштре, тактических боевых порядках, технике фортификации и ведения осады и других аспектах военного дела широко распространились в военной литературе, включавшей в себя памфлеты, брошюры, книги, трактаты, наставления и мемуары. Во все возрастающем количестве они стали появляться с начала XVI в., подобно наводнению хлынули после 1560 г. и продолжали выходить в большом количестве на протяжении всего XVII столетия...»¹⁹⁵. Трудом нескольких поколений практиков и теоретиков было создано некое новое интеллектуальное пространство, «атмосфера», в которой постоянно рождались все новые и новые рецепты достижения победы. Дело оставалось только за тем, чтобы «поймать» дух времени, уловить его, обобщить, проанализировать, создать новую военную систему и опробовать ее на практике, доказав эффективность

новых методов не только на бумаге, но и в поле, соединить воедино теорию и практику. Европейские военные были уже готовы воспринять новые тактические принципы.

Этот скачок в развитии западноевропейского военного дела в полном соответствии с отмеченной выше тенденцией переноса центра тяжести экономической, финансовой, политической и интеллектуальной жизни Европы с юга на север, с солнечных и жарких берегов Средиземного моря к сумрачным и холодным берегам Ла-Манша, Северного и Балтийского морей произошел на рубеже XVI–XVII вв. в самой передовой на то время во всех отношениях стране – Голландии, «Семи провинциях». И связан этот переворот оказался с событиями Восьмидесятилетней войны 1568–1648 гг., войны, в которой маленькая Голландия сумела завоевать независимость от казавшейся непобедимой Испанской империи.

Восьмидесятилетняя война, практически никак не освещенная в современной российской историографии, занимает, пожалуй, в истории развития западноевропейского и мирового военного дела место не менее, если даже не более важное, чем Итальянские войны. Если последние ознаменовали переход к высшей стадии развития военного дела Средневековья в Западной Европе, то по отношению к Восьмидесятилетней войне можно сказать, что тогда начался процесс становления как войны, так и армии Нового времени. Нидерланды последней четверти XVI в. стали своего рода настоящим испытательным полигоном для проверки новых идей и военных технологий. Именно здесь, на голландской земле, доведенная до максимально возможного совершенства позднесредневековая военная система столкнулась с новыми реалиями и в конечном итоге потерпела первое серьезное поражение. Рожденная в ходе противоборства голландская военная система стала основой для шведской системы, а из них потом сформируется европейское военное искусство Нового времени.

Создание основ новой, «протестантской» военной системы многие историки связывают с деятельностью двух человек – двоюродных братьев Вильгельма (Виллема) – Людвига и в особенности Морица Нассауских, возглавивших борьбу голландцев против испанского господства с конца 80-х гг. XVI в. Маленькая «Республика Соединенных провинций», вступив в противоборство с могущественной Испанской империей, оказалась в чрезвычайно трудном положении. С началом революции в «Низинных землях» испанская корона, пользуясь своей огромной военной и морской мощью, оккупировала Нидерланды и приступила к беспощадному подавлению всяких проявлений недовольства. Против всех ожиданий, карательная экспедиция, казавшаяся первоначально легкой и быстрой, неожиданно затянулась – голландцы упорно сопротивлялись. Однако перевес был на стороне испанцев, и восставшие терпели неудачу за неудачей, пытались сражаться с испанцами по их правилам игры.

Мориц принял командование над голландской армией в трудное для республики время. Прежний опыт столкновений с испанской армией показал всю ненадежность прежних наемных армий, которые пытался использовать Вильгельм Оранский. Немецкие наемники оказывались разгромленными испанскими ветеранами, славившимися своим неудержимым напором, храбростью и стойкостью – Йемминген, Моок, Жамблу наглядно продемонстрировали это. Невозможность противостоять испанцам в полевых сражениях вынудила голландцев сделать ставку на ведение крепостной войны. Осаждая один за другим голландские города и городки, многие из которых были модернизированы или перестраивались согласно принципам *trace italienne*, испанцы теряли темп и несли совершенно ненужные расходы и потери¹⁹⁶. Мориц же и Вильгельм Нассауские получили драгоценную передышку для того, чтобы тщательно обдумать причины неудач и попытаться найти путь к победе.

Приступая к реформе голландской армии, Мориц и его брат оказались в сложной ситуации. Противостоявший им неприятель имел неоспоримое превосходство в количественных показателях военной мощи. В распоряжении испанских генералов были огромные финансовые и материальные ресурсы империи Филиппа II. Его военачальники всегда могли рассчитывать набрать в нужном количестве опытных наемников и их командиров, искусственных в военной

практике того времени. В рамках сложившейся в XVI в. военной системы, включавшей в себя комбинацию пикинеров, аркебузирова, рейтарова и жандармов, действия которых поддерживались огнем артиллерии, испанцы и их сторонники были непобедимы. В этой игре у испанцев на руках были все козыри. Чтобы победить армии Филиппа II, нужно было изменить правила игры, заставить их воевать по иным правилам, т. е. совершить прорыв, скачок в иное измерение. Нужно было создать иную, более эффективную и имевшую запас прочности для дальнейшего развития военную систему.

Предпосылки для этого перехода к началу 90-х гг. XVI в. были налицо. Не говоря о широком распространении огнестрельного оружия и *trace italienne*, особенная, «малая», война в Голландии способствовала серьезным переменам в организации и вооружении войск. Как отмечал Дж. Паркер, война в Голландии характеризовалась не только и не столько ведением осад и обороной крепостей, но и в целом возросшей боевой активностью, выражавшейся в большем числе стычек и столкновений преимущественно малыми силами. Прежние формы тактической организации войск, рассчитанные прежде всего на большие полевые сражения, оказались непригодны для такого рода боевых действий. Как следствие осознания этого факта, в реформированной Морицем голландской армии «...роты были сокращены в численности и сведены в полки, которые, в свою очередь, уменьшились в размерах, стали более управляемыми на поле боя... Солдаты получили единообразную экипировку, детали обмундирования, учения на плацу стали более частыми. Постепенно солдаты превращались в части огромного механизма и лишались своей индивидуальности. Армии стали более «современными»...»¹⁹⁷. Тяжелая кавалерия стала второстепенным родом войск (во время осад от нее было мало проку, один убыток), равно как и пикинеры, тогда как мушкетеры и артиллерия приобрели еще большее значение и вышли на первое место.

Мориц и Вильгельм, приняв во внимание эти изменения, попытались связать их с античным военным опытом. Люди, весьма начитанные в трудах античных и византийских военных теоретиков¹⁹⁸, братья смогли успешно решить эту сложную задачу. Сделать это им было тем проще, что, как метко заметил Г. Дельбрюк, «...им не приходилось создавать новой военной организации, да они к этому и не стремились, – но лишь развивать дальше уже существующую организацию, унаследованную ими (выделено нами. – П.В.)...»¹⁹⁹.

Главное, что они уяснили из римского военного опыта, заключалось в осознании необходимости введения в армии постоянного, регулярного обучения и жесткой дисциплины, поддерживать которую они намеревались прежде всего регулярной и стабильной выплатой жалованья солдатам и офицерам. Конечно, отдельные элементы обучения солдат вводились и ранее, равно как и более или менее регулярные тренировки. Однако вербовщики всегда предпочитали набирать солдат, уже натренированных и знающих военное дело, а не новобранцев, которых нужно еще учить и учить в процессе ведения боевых действий. Испанцам в этом отношении было легче – на их стороне было преимущество в людских ресурсах и они не были блокированы с суши, как восставшие Нидерланды. Голландцы же были лишены такой возможности. Многолетняя война с испанцами нарушила прежнюю систему пополнения армий солдатами-наемниками, уже знакомыми с основами военного ремесла. Как отмечал Ф. Энгельс, им «...приходилось довольствоваться теми физически годными добровольцами, которых они могли найти, и правительство оказалось вынуждено заняться их обучением...»²⁰⁰.

Создание правильной системы обучения основам военного дела рядовых, унтер-офицеров и офицеров было тем более важно, что, применяя античные военные знания к накопленному к этому времени опыту ведения современной войны, Мориц и Вильгельм постепенно пришли к идее, из которой впоследствии родилась линейная тактика. Небольшие голландские пехотные роты, состоявшие, как было отмечено выше, на 2/3 из мушкетеров и аркебузирова, располагались в несколько линий²⁰¹, поддерживавших друг друга. Каждая же рота, в

свою очередь, строилась в 10 шеренг с мушкетерами по краям и пикинерами в центре. Для того чтобы поддерживать непрерывную пальбу, Мориц по совету Вильгельма-Людвига ввел для своих мушкетеров обязательное применение *caracole*²⁰². Рота мушкетеров превращалась, таким образом, в своего рода картечицу, осыпавшую неприятеля градом пуль. Пикинеры же должны были прикрывать мушкетеров от атак неприятельской кавалерии или пикинеров. Отметим, правда, что, как и в случае с караколирующими рейтарами, вряд ли в реальных условиях боя голландским мушкетерам и аркебузирам удалось бы долго поддерживать пальбу посредством контрмарша, но важность этого нововведения (заимствованного братьями у тех же испанцев) заключалась, конечно же, в его дисциплинирующем эффекте. Слова Г. Дельбрюка относительно важности караколе для рейтар, что мы приводили ранее, вполне приложимы и к новобранцам Морица Нассауского.

Описывая тактические порядки армии Морица, А.А. Свечин отмечал главную их особенность: «Прочность этого хрупкого боевого порядка основывалась исключительно на дисциплине и доверии солдат к начальникам, на большой подвижности мелких частей, на уверенности управления... **Природе было противопоставлено искусство** (выделено нами. – П.В.) ...»²⁰³.

Значение дисциплины как одного из важнейших, если не самого важного элемента военной системы Морица Оранского, подчеркивал и Г. Ротенберг, который писал, что «...дисциплина тогда стала ключевым элементом, и даже при том, что обстоятельства заставили реформаторов-оранжистов отказаться от использования нанимаемых на длительное время профессиональных наемных войск в пользу рекрутируемой из числа граждан армии, они сохранили акцент на дисциплине, достигаемой усилиями профессионального офицерского корпуса, муштрой и обучением...»²⁰⁴.

Мориц и Вильгельм точно уловили главное отличие римской имперской армии от ее главных противников – отдельно взятый легионер, быть может, и уступал своему противнику, галлу, германцу, даку или сармату, в индивидуальном мастерстве вести рукопашный бой, в физической силе, ловкости и пр. Но он превосходил их умением вести бой в составе тесно сплоченной группы, коллектива, где слабость одного воина компенсировалась совместными усилиями всех бойцов, направленными на достижение победы. Так и сейчас голландские реформаторы сделали ставку не на индивидуальные качества солдата, а на «искусство», подразумевая под ним выработку навыков коллективных действий. Можно сказать, что братья Нассауские открыли новую страницу в истории военного дела – подобно тому, как мануфактурное производство отбросило на второй план ремесленников, как бы искусны они ни были в своем труде, так и армия-машина, созданная Морицем, неизбежно должна была вытеснить средневековых «ремесленников» от военного дела.

Новый солдат должен был действовать автоматически, выполнять приемы с мушкетом и пикой, не задумываясь и не обращая внимания на происходящее вокруг. Таким образом, *caracole* с обязательным для него контрмаршем и умением маневрировать на поле боя с целью обеспечить непрерывность огня мушкетеров и взаимоподдержку стрелков и пикинеров требовал серьезного и длительного обучения, основанного на жестокой муштре. Только так можно было внушить неопытным новобранцам и разному сброду, набираемому под знамена оранжистов, уверенность в своих силах, выработать в них способность противостоять напору испанских ветеранов²⁰⁵. А ведь испанский солдат в ту эпоху считался лучшим солдатом Европы. Не случайно посол Венецианской республики при дворе Филиппа II Сурияно писал, что «... испанский король владеет рассадником стойких людей, сильных телом и духом, дисциплинированных, годных для военных кампаний, маршей, приступов и обороны...». Использувавший это высказывание в своей книге о «золотом веке Испании» французский исследователь М. Дефурно отмечал, что «...испанский солдат возвел на самую верхнюю ступень чувство соб-

ственного достоинства, базировавшееся одновременно на воинских качествах, которые составляли его репутацию, и на сознании того, что он, сражаясь за своего короля, служит более высоким целям – воюет во имя Господа...»²⁰⁶.

Возросшие требования к уровню подготовки рядовых солдат обусловили соответственный рост требований к командному составу, как офицеров, так и в особенности унтер-офицеров. Командный состав армии Нового времени тем и отличался от средневекового капитана наемников, что он был не просто передовым и самым искусным бойцом, но прежде всего воспитателем и учителем. Прежде чем вести своих подчиненных в бой, он должен был подготовить их, обучить, внушить им уверенность в своих силах – неважно, какими способами. И хотя осознание необходимости основательного теоретического военного образования не сразу завоевало свое место под солнцем, однако его ценность была признана всеми. Так, в 1616 г. граф Иоганн Нассауский открыл в своей столице, Зигене, военную академию для молодых дворян. Курс обучения в этой академии был рассчитан на шесть месяцев и предполагал изучение оружия и доспехов, теории и практики обучения и вождения в бою войск, карт и разного рода военной литературы. Правда, число слушателей в этой академии было невелико – в 1623 г., например, оно составляло всего лишь 23 курсанта²⁰⁷.

К началу XVII в. создание новой военной школы было в целом завершено, и она прошла проверку на деле. Европа была поражена, увидев, что могущественнейшая Испанская империя оказалась бессильна справиться с небольшой Голландией. Впечатление от успехов голландской армии, вымуштрованной в соответствии с новой военной системой, было огромным. «Соединенные провинции» превратились в подлинную Мекку для протестантских военных. Голландский военный опыт стал быстро распространяться по всей Европе как через книги, так и посредством перешедших на службу в другие армии солдат и офицеров, служивших под знаменами Морица и Вильгельма Нассауских. По меткому замечанию Дж. Линна, Мориц «завоевал европейскую репутацию как «ученый-солдат», блестящий новатор и талантливый генерал. Его знания во всех составных частях военного искусства сделали Голландию подлинным «военным колледжем Европы»...»²⁰⁸.

Однако широкое распространение принципов новой военной школы по всей Европе сдерживалось тем, что боевые действия в Нидерландах шли в достаточно своеобразных и специфических условиях. Небольшая по площади густонаселенная, высокоурбанизированная страна с антропогенным ландшафтом и множеством укрепленных городов и поселков, вдоль и поперек пересеченная реками и каналами, была малопригодна для действий крупных масс войск. Особенно трудно приходилось кавалерии. Безусловно, Мориц распространил свои тактические находки и на собственную кавалерию, тщательнейшим образом обучая и муштруя ее. Он добивался того, чтобы его всадники могли так же легко маневрировать и действовать тесно сомкнутыми тактическими единицами-корнетами, как и голландская пехота²⁰⁹. Однако своеобразие боевых действий в Голландии препятствовало широкому использованию кавалерии. Это была прежде всего «пехотная» война, а кавалерии явно не хватало простора для активных действий. Таким образом, голландская система имела довольно специфический характер. Как отмечал Д. Пэрротт, «...голландская реформа стала результатом приспособления армии к ведению позиционной войны, преимущественно связанной с осуществлением полномасштабных осад. Реформы, максимизируя огневую мощь пехоты и усиливая эффективность обороны, могли создать армии, которые посредством дисциплины, муштры и применения линейной тактики были лучше приспособлены к проведению осад. Однако **реформа не решала проблемы перехвата инициативы в свои руки, перехода в наступление на поле боя** (выделено нами. – П.В.)...»²¹⁰.

Мы не случайно выделили последнюю фразу – совершенствуя оборонительный потенциал своей армии, Мориц не смог решить проблему перехода в наступление. Почему? Воз-

можно, ответ на этот вопрос дал Г. Ротенберг, полагавший Морица прежде всего администратором, потом тактиком и мастером ведения осадной войны, но никак не стратегом²¹¹. Видимо, именно этим обстоятельством был обусловлен невысокий интерес к голландской системе со стороны имперцев и испанцев. В тактическом плане армия Морица придерживалась чрезвычайно пассивного образа действий, отвечая на вызов, но сама его не делала. Система, разработанная им, по словам М. Робертса, носила жесткий и негибкий характер, и внешний эффект его преобразований в значительной степени был сведен на нет отказом самого Морица от активных действий, его стремлением уклониться от полевых сражений и выиграть войну посредством обороны крепостей и ведения осад²¹². Голландец предпочитал воевать лопатой и киркой, а не мушкетом и шпагой, и достиг в этом значительных успехов. Так что сторонники испано-католической школы вполне справедливо могли утверждать, что успехи Морица носили случайный характер и в иных условиях армия, вымуштрованная согласно голландской системе, не сможет действовать так же успешно, как армия Морица.

То, что годилось для Голландии с ее специфическими условиями, не годилось для других стран. Одним словом, всякие попытки внедрить голландскую систему в чистом виде, без применения к местным условиям (как это было сделано в начале XVII в. в Швеции), как правило, были обречены на неудачу. Опыт сражений 1-й половины Тридцатилетней войны показал, что запас прочности испано-католической школы еще не был до конца израсходован. *Tercio*, независимо от того, испанцы ли, имперцы ли использовали их на поле боя, обладали большой ударной силой. При умелом руководстве войска, исповедующие пусть и старомодную, но все еще достаточно эффективную ударную тактику позднего Средневековья, все еще представляли грозную силу, что и было подтверждено, к примеру, в 1618 г. в сражении при Белой Горе. Однако исторической перспективы у старой военной школы уже не было. С рождением новой системы, основанной на иных тактических и организационных принципах, она устарела. Натиску испанцев, их порыву были противопоставлены мушкетный и артиллерийский огонь, выдержка и дисциплина. Опыт Тридцатилетней войны и конфликтов 2-й половины XVII в. доказал правоту Морица.

Для того чтобы голландская система получила всеобщее признание и широчайшее распространение, нужно было ее усовершенствовать применительно к более открытым, не столь урбанизированным и освоенным человеком, как Голландия и Бельгия, пространствам. Попросту говоря, голландская система в классическом виде «в чистом поле» были малопригодна. Голландский опыт не мог быть скопирован в чистом виде и требовал определенной умственной работы по приспособлению его к конкретным условиям. Как метко заметил М. Робертс, Мориц и его брат только наметили основные линии развития в подготовке войск, тактике и стратегии, развить которые еще только предстояло. Нужно было почувствовать дух реформы Морица, а не ее форму, и завершить дело, начатое голландцами. Эту задачу попытался решить король Швеции Густав II Адольф. Дж. Паркер, сравнивая опыт реформ, осуществленных Морицем и Густавом Адольфом, отмечал, что «... **наиболее важным отличием** голландской «военной революции» от шведской заключалось **не в самих новшествах, но в их применении и масштабе** (выделено нами. – П.В.). Мориц Нассауский редко вступал в сражения (а если и принимал вызов, то возглавлял небольшие полевые армии – около 10 тыс. солдат), так как характер местности, на которой ему приходилось действовать, где доминировала система укрепленных городов, делал полевые сражения большой редкостью – важнее были осады городов. Но Густав действовал в районах, которые были пощажены войной, и если война там и была, то лет семьдесят назад (как это было в Баварии) или того больше. Таким образом, здесь было немного хорошо укрепленных городов – хотя, если они и существовали, их приходилось осаждать на «голландский манер» – и контроль за местностью достигался только посредством победоносных баталий...»²¹³.

Возможно, что нововведения Густава Адольфа по прошествии почти трехсот лет выглядят уже не так революционно (тем более что, как уже было отмечено выше, многое из того, что он ввел в шведскую военную практику, уже было опробовано военачальниками в предыдущем столетии), как в свое время, и что сам король больше заслуживает внимания как государственный и политический деятель, нежели как полководец и военный реформатор. Именно так оценивает его деятельность, к примеру, английский историк Р. Бржезинский, считающий, что Густав Адольф заслужил известность как великий полководец и реформатор только благодаря стечению обстоятельств²¹⁴. Однако, принимая во внимание эту критическую точку зрения, все-таки необходимо отметить, что своей деятельностью Густав Адольф в немалой степени способствовал ускорению развития западноевропейского военного дела и победе в конечном итоге тех идей, выдвинутых Морицем Оранским, реализация которых привела к завершению создания армий Нового времени и соответствующей военной традиции.

Шведы достаточно рано ознакомились с идеями Морица Нассауского. Еще в 1601 г. его кузен, Иоганн Нассауский, прибыл в Швецию и попытался реорганизовать шведскую армию по голландскому образцу. Однако его попытка не имела успеха, что и показали сокрушительные поражения шведской армии от поляков под Вейсенштейном в 1604 г. и Кирхгольмом в 1605 г. Нельзя назвать удачными и действия шведской армии во время осады Пскова в 1615 г. Памятуя о недостаточной боеспособности шведской армии, выявившейся в ходе столкновений с поляками и русскими в начале XVII в., Густав II Адольф приступил к реорганизации шведской армии. В 1620 г. он направился в длительную поездку в Германию, где изучил все последние военные новинки и, очевидно, пришел к выводу, что голландская военная система является наиболее перспективной.

Не вдаваясь особенно в подробности тех реформ, что были осуществлены Густавом Адольфом (они неоднократно были описаны в литературе), отметим, что «шведский лев» сделал ставку на всемерное усиление огневой мощи своей пехоты за счет дальнейшего увеличения удельного веса мушкетеров и развития легкой полевой артиллерии, придаваемой пехоте. Боевые порядки шведской пехоты были еще более растянуты по фронту за счет сокращения их глубины. «Шведский боевой порядок значительно расползся по фронту; современники видели в нем не столько активные свойства, как оборонительные: Густав Адольф создал из людей нерушимую живую стену...»²¹⁵. Вслед за Генрихом IV шведский король попытался насадить в шведской кавалерии наступательный дух и усилить ее огневую мощь, перемешав ее с подразделениями мушкетеров. Но самое главное, Густав Адольф уделил огромное внимание отработке тесного взаимодействия мушкетеров, пикинеров, артиллерии – полковой и полевой, и кавалерии на поле боя. Все вместе взятые, эти усовершенствования в голландской военной системе позволили шведской армии с успехом противостоять и польско-литовской армии, действовавшей в совершенно иной военной традиции (о чем будет подробнее сказано в следующей главе), и исповедующей старые тактические принципы имперской армии на полях сражений Тридцатилетней войны.

Конечно, старая традиция не ушла в прошлое сразу после того, как шведы одержали верх над имперцами при Брейтенфельде в 1631 г. На первый взгляд Дж. Паркер был прав, когда писал, что это было «...классическое столкновение между традиционным боевым порядком, использовавшимся со времен Итальянских войн, и новым: солдаты Тилли, построенные в 30 шеренг в глубину и 50 рядов в ширину, встретились со шведскими мушкетерами, выстроенными в шесть шеренг, и пикинерами – в 5, поддержанных многочисленной полевой артиллерией. Превосходство шведов в огневой мощи было ошеломляющим...»²¹⁶. Если бы все было именно так, то большая европейская война, в которую вступил Густав II Адольф, закончилась бы очень быстро и не заслужила бы наименование Тридцатилетней. Однако опытные имперские и испанские генералы, не отказываясь полностью от привычной им традиции, попытались,

и не без успеха, внести определенные коррективы в свою практику. Дальнейший ход войны показал всю значимость субъективного фактора – не приверженность испано-католической или протестантской системам автоматически гарантировала победу или же поражение, а талант того или иного военачальника, посылавшего свои regimenty, терции и роты в бой. Так, под Люценом сражение между шведами и имперцами фактически закончилось вничью, под Нордлингеном шведы и их союзники были наголову разгромлены имперцами. Французы, пытавшиеся применять шведскую систему, были разбиты в июне 1639 г. под Диденгофеном имперским фельдмаршалом Пикколомини, но в мае 1643 г. при Рокруа испанская армия, костяк которой составили опытные ветераны *tercio* Фландрской армии, была наголову разгромлена французами.

Вокруг последней битвы, равно как и вокруг сражений, что дал «шведский лев» имперцам в ходе своей короткой, но яркой карьеры, сложилось немало мифов и легенд. Наиболее распространенный из них гласит, что массивные испанские *tercio* не устояли против огня французской артиллерии и пали под атаками неприятельской кавалерии. «В пользу Франции сыграли два фактора: превосходство кавалерии и артиллерии – богатого войска и войска богатых... Тяжеловесность испанских боевых порядков восходит к эпохе, – писал П. Шоню, – когда копье торжествовало над мушкетом... Рокруа – это признание превосходства огня. А значит, великий сдвиг в тактике ведения войны». Конечно, на первый взгляд все было именно так, и трудно возразить историку, делающему такой вывод. Но вместе с тем и сто лет назад попытки массивных баталий швейцарцев или ландскнехтов противостоять атакам конницы, поддерживаемой огнем артиллерии, заканчивались для пехоты столь же печально. Другое дело, что поражение испанцев при Рокруа стало своего рода символом – испанские *tercio*, слывшие десятки лет непобедимыми, были разбиты, и их поражение совпало по времени с началом упадка военной мощи Испании. В сознании современников два этих события наложились друг на друга, и родился очередной исторический миф. Тем не менее, вне зависимости от того, как оценивать сражения, данные Густавом Адольфом или Конде, одно очевидно совершенно точно – Тридцатилетняя война стала последней войной, в которой традиционные массивные «баталии» вооруженной древковым оружием тяжелой пехоты попытались противостоять артиллерии, кавалерии и пехоте, оснащенной преимущественно огнестрельным оружием и действовавшей в неглубоких (относительно первых, конечно) боевых порядках. В этой войне при столкновении двух школ, исповедовавших разные тактические принципы, огонь окончательно победил удар. Американец Ф. Прэтт, характеризуя испано-католическую военную систему, метко сравнил ее с крепостью²¹⁷

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.